

**АЛЕКСАНДР
АФАНАСЬЕВ**

**ЗАВТРА
ВОИНА**

**СЧАСТЬЕ
ВОЛКОВ**

Александр Афанасьев

Счастье волков

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Афанасьев А. Н.

Счастье волков / А. Н. Афанасьев — «Эксмо», 2019

Александр Баширов родился в Казани, но Стамбул стал его новым домом. Теперь он немного блогер, немного журналист, немного торговец, немного переводчик, немного риелтор. Немного шпион. В Стамбуле все или шпионы, или заговорщики. Этот город – полная политических конфликтов бомба, в любой момент готовая рвануть. На этот раз в руки Александру попал секрет, угрожающий всему миру. И ключ к нему – Серые волки. Отряды турецких националистов, глубоко проникшие во все силовые ведомства Турции и пропагандирующие создание Великого Турана. Раньше это начиналось болтовней – и ею же заканчивалось, но не сейчас. Власти использовали Серых волков для борьбы с курдами, и в итоге Волки превратились в военизированную организацию с подготовленными отрядами боевиков, лагерями в пограничной зоне, с большим количеством оружия, в том числе химического. И есть те, кто готов использовать «волчьи» амбиции для достижения своих грязных целей и, как всегда, подставить Россию...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Афанасьев А. Н., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Начало	6
13 сентября 2020 года	21
14 сентября 2020 года	25
Информация к размышлению	30
15 сентября 2020 года	31
15 сентября 2020 года	32
16 сентября 2020 года	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Александр Афанасьев

Счастье волков

© Афанасьев А., 2019

© ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Я знал всегда, что жизнь – это игры с огнем.

Но скажи, раз так, как мне жить без огня...

Автор

Начало 12 сентября 2020 года Проспект Багдади, Стамбул

Сегодня я видел сон. Это было само по себе не к добру. Обычно я сплю без снов.

Сон был черно-белый. В нем был снег. Такой, какой бывает в самом конце зимы – грязный, с черными, в разводах сугробами по обеим сторонам дороги. Я ехал на машине в каком-то городе... типичном постсоветском, с рядами унылых панелек, белыми сталактитами шестнадцатипятиэтажек и пристроенными к домам стекляшками. По протоптанным в неубранном снегу за время зимы тропинкам брели по своим делам люди, унылые, как и жилища, в которых они жили, как и магазины, в которые они ходили, серые и черные... казалось, в этом мире вообще нет ярких красок, только черный, белый и трагический серый.

Дорога шла резко вниз, да еще с поворотом. Въезжая в город, ты как бы спускался в него – не поднимался, как в Иерусалим, а именно спускался, как в ад или хотя бы в чистилище. Я начал притормаживать – и тут с ужасом понял, что под колесами не асфальт, а лед. Машину уже несло... я попытался направить колеса в сторону заноса и отпустил тормоз... не помогало. Ничего не помогало. Меня с ускорением несло по дороге, одновременно разворачивая на встречу. Я видел надвигающиеся встречные машины... грязная морда фуры становилась все ближе и ближе... и я ничего не мог с этим поделать...

Вот тут я и проснулся...

И понял, что будет беда...

Меня зовут Александр Баширов. Я родился в Казани, в обычной для Казани семье – отец татарин, мать русская. В семье главным был отец, потому я принял ислам. Хотя и сейчас я толком не знаю, кто я – русский, или татарин, или турок, или вообще – человек мира. И меня нельзя называть соблюдающим – пять раз в день я намаз не делаю. Хотя, наверное, это плохо...

В этом городе я живу уже несколько лет – приехал, как и все, по туристической визе, потом продлился на год, потом получил вид на жительство и право на работу, потом оформил гражданство. В прошлом у меня бизнес в России и несколько темных историй, о которых я не хочу говорить. В настоящем – бизнес здесь, квартира и жизнь типичного члена русской диаспоры, здесь довольно многочисленной. Здесь я немного блогер, немного журналист, немного торговец, немного переводчик, немного риелтор – после падения турецкой лиры недвижимость здесь, и так не слишком дорогая (дешевле Москвы), стала еще дешевле. Русские покупают, но немного – а вот из Средней Азии покупателей очень много. На первом месте... я бы сказал, Казахстан, как говорит мой компаньон по риелторскому агентству Кямран, многие покупают на случай, если дележка политического наследия елбасы перестанет быть томной, казахская перестройка превратится в перестрелку и из страны придется бежать. Он лучше знает, у него отец депутат, влиятельный член среднего жуза, но после смены власти ни в чем не уверен и сына заранее отправил сюда, готовить площадку и пристраивать наворованное. На втором месте узбеки, у них денег мало, но они чаще всего покупают не под сдачу, а насовсем, переезжать. У них преимущество в том, что их язык из той же группы, что и турецкий, – примерно как русский и украинский, взаимно понятные. Потому на простых работах – например, горничной в отеле – можно начинать работать сразу.

Татары, кстати, тоже понимают многие турецкие слова, так что мне выученный в школе татарский пригодился. Говорю я так, что все понимают, что я не турок, – но разговорный у меня уже на приличном уровне.

Я живу на проспекте Багдади. Это одна из стратегических трасс Стамбула, в азиатской части города, она начинается у стадиона Фенербахче, выходит из района Кадыкей и идет на

выезд из города в сторону остальной Турции (Стамбул расположен у самой западной границы страны), это бывшая римская дорога. Улица эта – скорее торговая, здесь мало кто живет, в основном сюда ходят и ездят на шопинг. Но мне подвернулась приличная квартира, совсем недорого – купил и не жалею. В последнее время она сильно выросла в цене – здесь спрос появился.

Живу я на последнем, пятом этаже, и с моего балкона куда ни глянь – море. Вид красивый, хотя те, кто живет в центре, говорят, что с Босфором или Золотым Рогом не сравнить.

Это азиатский Стамбул – хотя и не такой ортодоксальный, как некоторые. Большинство русских селятся в других районах, но мне все равно. Здесь много площади за небольшие деньги, я одну комнату под спортзал даже переоборудовал. Те, кто живет в центре, за такие деньги, как я, не живут, а ютятся. И на шопинг никуда не надо ехать, все под рукой. В том числе море – в шаговой доступности...

Утро у меня было бы обычным, если бы не этот проклятый сон, пришедший совсем не вовремя и оставивший чувство надвигающейся непоправимой беды. Из-за этого я даже не стал готовить дома и спустился вниз. Торговый центр напротив уже работал, а мне всего-то надо пару чашек кофе. Но не турецкого, а нормального латте...

Еще там работала Марина.

Марину я встретил недавно... я избегаю отношений с местными, чтобы не получить в нагрузку толпу бабушек и дедушек. Марина из Киева, приехала сюда... Пытается пробыться... догадываетесь как. Я навел справки... по крайней мере, профессионально она этим не занималась, в полиции ее досье нет. Теперь я оплачиваю ее жилье и время от времени ее посещаю... но к себе переселять не хочу. Возможно, пока. Ничего хорошего в таких отношениях нет... плохого, впрочем, тоже. Кямран бы одобрил, если бы знал... впрочем, он тот еще бабник...

Марина – платиновая блондинка... для турок просто непреодолимый искус. По их меркам, тощая, они любят женщин в теле. Закончила КНУКИ – актерский в Киеве. Тоже была какая-то история, вынудившая ее уехать, которую я не знаю и знать не хочу...

Так как я здесь не чужой, я просто сажусь за стол и жду. Марина появляется с подносом, на котором две чашки кофе. Это мне, я всегда пью по две, если европейский.

Садится напротив и смотрит на меня, пока я пью кофе, стараясь избавиться от омерзительного привкуса того сна. Холод от него до сих пор остался в душе, и никаким кофе его не вытравишь...

– Саша...

Я смотрю на нее.

– Что?

– Да нет... ничего.

Я допиваю вторую чашку.

– Вечером дома будешь?

...

– Я приду, хорошо?

Она кивает.

Машина у меня, по местным меркам, приличная – «Мерседес МЛ», хотя и подержанный. Перед тем как ехать – передвигаю кобуру с пистолетом вперед, чтобы он не давил на спину и можно было выхватить сидя. Второй пистолет в бардачке. В последнее время много разбойничают по району – если раньше воровали, то с появлением беженцев – разбойничают. Просто подходят, пистолет в спину – отдавай деньги, ключи от машины. В Ирак угонят – с концами. Могут и убить.

Здесь странное законодательство об оружии, нарезное нельзя, даже если не полуавтоматическое, а вот пистолет – можно, причем с емким магазином. Видимо, тут сыграла свою роль боязнь переворотов и восстаний. История Турции полна заговоров, восстаний, переворотов и

мятежей. Потому и боятся. Если бы в шестнадцатом на руках были бы винтовки – крови было бы намного больше.

Меня это вполне устраивает, потом поймете почему.

Доезжаю до поворота на пристань – тут начинаются пробки, если проспект Багдади, по сути, загородная магистраль, то с поворота в город с набережной начинается хаос. Мне же надо к туннелю Евразия, он тут совсем рядом.

Переехав в европейскую часть Стамбула по туннелю, который так и называется Туннель, – я направляюсь в район Левент – самый деловой район Стамбула, где небоскребы соседствуют с жилыми и рабочими виллами. Средняя зарплата в этом районе примерно в десять раз выше, чем в среднем по городу.

Это район европейский. Дорогой. Вилла, которую мы с Кямраном купили, стоит полтора миллиона долларов США, что средний турецкий бизнесмен позволить себе не может. Но мы с Кямраном можем. Точнее, его отец. Потому что его отец был верный соратник елбасы вот уже полтора десятка лет и украл уже более чем достаточно. А теперь елбасы ушел, и перед его верными соратниками замаячила перспектива ответственности – у нового елбасы есть свои соратники, и они тоже хотят кушать. К тому же старший жуз всегда мечтал как следует раскулачить средний – и сейчас они близки к сбыче мечт¹. Отец Кямрана один из наших постоянных клиентов, в тех небоскребах у него не один офис сдается. Размещает деньги в недвижимость здесь, в Дубае, в Абу-Даби...

Черная «БМ-шестерка» уже припаркована у офиса – значит, Кямран на месте. Смех... но машина ему обошлась... бесплатно. Подарок дочери какого-то крупного турецкого предпринимателя, которая по дурусти решила, что Кямрана можно поставить в стойло и окольцевать. Дура – она дура и есть. Хотя Кямран не против... его, кстати, можно в боевиках снимать в качестве отрицательного героя – приглашения уже были. Типично восточные узкие глаза – и рост метр девяносто, он больше чем на голову выше среднего турка и запросто выжимает двести килограммов от груди. Я не рискну. Кямран еще и серьезный рукопашник, КМС по самбо, еще каратист. Он вырос в непрестом месте, там исторически ссыльные чеченцы жили. Не научился бы руками махать – его бы сломали...

Кямран в белом кимоно с черным поясом колотит по макиваре, я прохожу к самовару. Огромное преимущество такого офиса – это как бы и не офис вообще. Травка. Сад. Павильон с самоваром во дворе – на местный манер он называется... киоск! Самовар, кстати, русский – на Ближнем Востоке очень уважают чай из русского самовара, и у кого есть старый, еще порой императорский самовар – очень этим гордятся. Правда, в чай кладут столько сахара, что это уже и не чай. Сладкая коричневая жижа.

Но я делаю себе как надо.

Пока я делаю чай – подходит Кямран. Я и ему сделал.

– Завтра прилетает Алиреза, – говорит он.

Я киваю.

Алиреза – иранец. Тоже сынок – только на сей раз генерала Корпуса стражей исламской революции. Папа контролирует границу с Афганистаном и, скорее всего, сильно наживается на наркоте. Ему тоже надо вложить деньги...

Стамбул теперь – это такой восточный перекресток миров. Не Запад, но и не Восток, и многие, очень многие едут сюда. Это не турецкий город, этнически он так же разнообразен,

¹ Елбасы – отец нации, официальный титул первого казахского президента. Старший и средний жузы – клановые группы в Казахстане, есть еще младший. Нюанс в том, что в Казахстане исторически правил средний жуз. Сам Назарбаев – представитель старшего, но его первая супруга представительница среднего жуза, и его дети также ассоциируют себя со средним жузом, в том числе и политически влиятельная дочь Дарига. Токаев, который выдвинут Назарбаевым в преемники – также представитель старшего жуза, что создает напряженность в стране, так как мешает среднему жузу после ухода Назарбаева вернуть власть через Даригу.

как Москва. Тут можно встретить кого угодно – от афганца до грузина. Иранцев тут хватает, особенно после того, как повторно ввели санкции. Контрабанда процветает, если не верите – поезжайте на границу с Ираном. Там грузовик меньше чем за год окупается, а вчерашние крестьяне строят трехэтажные виллы.

С иранцами и я имел дело – типичные мажоры. Отцы еще во что-то верят – но эти уже нет. Тбилиси забит клубами, открытыми для иранской молодежи, где клиентов обслуживают украинские проститутки. Уже идут массовые драки между грузинами и иранцами. В Ереване иранцы (их там зовут парсики) пьют коньяк, учатся и опять-таки б... ют. На побережье Каспия, в Туркменистане (бывшие Красные Воды), открыта целая игорная зона для иранцев в основном – хотя попадаются и арабы. И там – украинские проститутки. Этот строй – как и поздний советский – идет к своему концу. Только никто не знает, каким он будет, конец.

– Покажешь ему?

– Да. Только он еще заикался про Россию. В одну корзину... сам понимаешь.

Я киваю.

– Хорошо.

Вот и окончилась утренняя планерка. Хорошо помогать людям размещать наворованное!

Поработали. Дальше обед – турки никогда не пропустят обед, для них отдых не менее важная часть жизни, чем работа. На работе тут никто не убивается.

Обедать я еду в район Ортакей, это напротив Кадыкей, только в европейской части страны. Там есть хорошие рестораны со свежей рыбой. Туристов тоже много. Но есть места и для своих.

Место, где я обедаю, всегда одно и то же – рыбный ресторанчик, всего три места – но тут лучшая рыба в кляре. Хозяин ресторана – он же и повар, готовит эту рыбу тридцать лет – невкусно быть не может. Пока я жду рыбу и пока столик освободится – мы перебрасываемся фразами о политике, за которые, если услышат спецслужбы, нам несдобровать...

Здесь плохо... и чем дальше, тем хуже. Культ личности. Все-таки туркам нужен султан, как ни крути. Но теперь появилось еще и местное НКВД. У меня много знакомств среди турок-европейцев, и только за последний год не стало двоих. Самед не выдержал и уехал в Нью-Йорк, а Вахида убили. Он был журналист и писал не то, что надо, а на выборах агитировал против Эрдогана. Тайная полиция схватила его якобы за содействие терроризму, пытали, потом повесили в камере. Жене сказали, что повесился сам, чувствовал вину. Хотя следы жестокого избиения не спрячешь.

Я родился и вырос в стране, где в тридцать седьмом тень смерти коснулась своим крылом каждого, и вся разница в том, что кому-то повезло, а кому-то нет. И я отлично понимаю, что произошло – там тоже есть показатели... уже появились. Схватили, били... требовали, чтобы признался в антиправительственном заговоре и оговорил друзей. Вахид отказался... он был гордый... настоящий... мы вместе с ним переводили «Бесов» Достоевского, я давал ему читать «Раковый корпус» и «В круге первом». И он отказался... ничего не сказал. Поняв, что ничего от него не добьются, полицаи убили его, заметая следы.

Схватить могут любого. И убить. Это новый тридцать седьмой, только не в таких масштабах, как у нас. Одного оппозиционера повесили в туалете аэропорта Кемаля Ататюрка². То есть он купил билет до Парижа, потом передумал лететь и повесился. Но избиратели Султана этому верят. И самое страшное, что это все происходит здесь и сейчас, в этом жизнерадостном, полном туристов городе. Смех соседствует с застенками, а тусующаяся и отрывающаяся золотая молодежь может и не подозревать, что находится в соседнем доме. Местная секретная полиция не использует постоянных мест, она постоянно снимает новые. Научились у иранцев, видимо.

² Это не вымысел.

Страшно? Мне тоже, но я привык жить с чувством страха в обнимку. Потому давайте-ка я вам расскажу что-то хорошее о Стамбуле, пока рыбу жарят. Чем он отличается от остальных городов мира.

Душа Стамбула – это Босфор. Стратегический пролив, ведущий в Черное море, предмет постоянного раздора. Город лежит на обоих его берегах и сильно заходит на берег Мраморного моря в азиатской его части, там, где я живу – по сути, там сплошная набережная длиной миль двадцать. Босфор – это нечто среднее между рекой и морем, он очень широк, и в нем сильное и быстрое течение – что-то подобное припоминается только в Неве, но Босфор намного больше. Вряд ли можно припомнить такой большой город, расположенный на такой воде. Наверное, треть города живет в шаговой доступности от берега, а это несколько миллионов. И какого берега!

Потому Стамбул навеки связан с Босфором. На его берегах проходит жизнь стамбульцев, они ходят на берег, ездят на паромах и катерах по Босфору, едят выловленную здесь рыбу. Удивительно, но при этом в городе нет крупных грузовых портов, хотя пассажирские есть и пристани для контейнеров тоже есть, но небольшие. И есть дома – по старинной турецкой традиции они расположены вплотную к воде и называются ялу. В некоторых ялу в шторм вода бьет в окна, а когда ты сидишь на балконе с чашечкой кофе, то вода будет у тебя под ногами, потому что балконы строили над водой. Таких домиков уже мало, но они еще есть. В центре вплотную к воде могут подходить целые кварталы, а набережных нет.

Стамбульские турки – они внешне очень разные... среди турчанок встречаются блондинки, а сами турки могут иметь самый разный тип лица – семитский, кавказский, славянский. В свое время османы требовали с покоренных народов налог кровью – то есть отнимали в семьях детей и отправляли учиться в Турцию, разумеется, обращая их в исламскую веру. Но они не становились рабами – многие из них стали чиновниками, дипломатами, некоторые великие визири происходили из них, например Соколлу-паша был сербом по крови. Это превращало Стамбул в настоящий плавильный котел – и в то же время все эти люди разных кровей и вер становились турками и турчанками. Их праправнуки и составляют сейчас население этого крупнейшего города Европы...

– Вот и готово... эфенди.

Я беру рыбу, расплачиваюсь и иду за столик. Рыба вкусная... хотя какой же ей быть – хозяин покупает ее утром, и всего до обеда, а после обеда рыбаки принесут еще.

Русские могли взять этот город дважды – хотя я не знаю, что бы они с ним делали. Во время войны 1877–1878 годов русская армия стояла в двадцати километрах от города, но войти не посмела – вмешались англичане. Кстати, вмешались они отнюдь не потому, что каждый день вставали с мыслью сделать что-то плохое России. Причин было две. Первая – Турция была должна Англии столько, что в стране фактически было введено внешнее управление, налоги и таможенные сборы собирала не султанская, а британская администрация. Падение Константинополя могло означать законный отказ платить по долгам в связи с ликвидацией должника и мировой финансовый кризис.

Про вторую причину знали немногие. Турецкий султан был вождем правоверных всего мира, и в таком качестве его во многих местах признавали. В том числе и в британской Индии, где лучшие, пенджабские полки составлялись из мусульман, в домах которых висел портрет турецкого султана.

И если бы султана, которого прочно контролировала британская администрация, вдруг не стало – одному Аллаху известно, что было бы. А если бы султан попал в руки русских и издал бы, к примеру, фирман о начале джихада против британцев – по всем колониям, и особенно в Индии, полыхнуло бы так, что сикхские восстания были бы детским садом по сравнению с этим. Представьте себе тотальный джихад – но в реалиях девятнадцатого века, когда и

пулеметов-то еще не было. Так что англичане сделали все, чтобы русская армия не вошла в Константинополь, и им это удалось.

Второй раз – город должен был захватить десантом с моря адмирал Колчак – но кто-то взорвал линкор «Императрица Мария», а затем – грянула революция. Не вышло. Тех, кто заложил бомбу, поймали уже при Сталине, расспросили обо всем и – извините – расстреляли. Ибо нефиг. Ну и да... третий раз – это когда после войны Сталин потребовал отдать Армении и Грузии несколько провинций. Трумэн отказался и пригрозил ядерным ударом. Этот малоизвестный инцидент стал одним из тех, с которых началась холодная война.

Но теперь – двадцать первый век на носу, и русские оккупировали Турцию десантом туристов, жаждущих «олл-инклюзив», а турки строят в России дома и торговые центры. Но связи России и Турции не исчерпываются лишь этим...

Ем рыбу. Смотрю на чаек, устроивших склоку на крыше. Никого нет, я столько смотрел – проявились бы. Пока ем, левой рукой ощупываю изнанку столешницы и нахожу что ищу – СД-карту от сотового телефона, прилепленную скотчем. Это мне, спасибо...

Доем рыбу, и можно на работу ехать.

Левую симку в Турции достать сложно – тут даже иностранные блокируются, – но можно. Сажусь на паром и по пути успеваю перекодировать запись и сбросить ее в сеть на известный мне сервер. Как только заканчиваю с этим, телефон летит в воду Босфора – я никогда не отправляю ничего с одного телефона дважды...

Проблема еще в том, что послание содержит условный знак необходимости личного контакта. Этим займемся вечером.

Интересно, что случилось...

Старший комиссар Осман Джаддид из отдела по борьбе с организованной преступностью МВД – серьезная структура – работает на меня скорее по идеологическим мотивам. Хотя это не мешает получать ему некоторое вознаграждение – например, он сам и его родственники теперь живут в хороших районах в квартирах с очень большой скидкой. Мы с ним как раз и познакомились, когда он искал квартиру – чистая удача позволила мне получить, возможно, самый ценный источник российской разведки в Турции за последнее время. Хотя я не знаю ни того, кто работает рядом со мной, ни того, какие источники у них.

Осман родился в Стамбуле, он коренной, не из понаехавших. Как и все, закончил училище МВД, затем его перевели в личную охрану самого Султана. На этом посту, в личной охране – Султан прикрепил его к своей семье и стал доверять самые грязные личные поручения – не только тещу к врачу отвезти. Сам Султан, кстати, был крайне жесток – по воспоминаниям тех, кто знал его с детства, никого так жестоко не бил отец, как его, а в том квартале били по-настоящему жестоко. И вот теперь, став президентом Турции, он приказывал, а Осман и такие, как Осман, приказы выполняли. Так Осман узнал, сколь велика разница между словами и делами, своими глазами взглянул в пропасть человеческого грехопадения, увидел ложь, коррупцию, воровство, лицемерие, не раз и не два видел, как в микрофон говорится одно, а мимо – совсем другое. Так он разуверился и стал внутренним диссидентом.

После попытки переворота, когда Султан чистил армию и спецслужбы, ему присвоили старшего комиссара через два звания и поставили на спецотдел МВД. Спецотдел МВД – это и есть та структура, которая занимается слежкой за оппозицией, похищениями и пытками, а то и убийствами оппозиционеров, провокациями. Осман не столько передает информацию, сколько собирает и передает компромат. У него постоянно при себе записывающая аппаратура – в часах, в сотовом телефоне (недавно сотовые охрана Султана стала отбирать, но часы – нет). Он документирует преступные приказы разобраться с одним или с другим, факты политических расправ, избиений, похищений, убийств, ложных обвинений, коррупции, давления на избирательные комиссии, на суды, на прокуратуру, ему нередко удавалось записывать голосовые файлы, как эти преступные приказы отдаются, и передает их мне. Он думает, что я передаю их

в Вашингтон, так как считает, что я агент ЦРУ. Он думает, что это материалы для будущего международного трибунала над Султаном и его соратниками.

Выдать себя за агента ЦРУ было сложно, но для меня возможно. Я изначально готовился для Лондона, по линии «Западная Европа», здесь оказался почти случайно. Провалилась линия заброски из-за того, что Саакашвили начал войну 08/08/08, и произошло тогда первое осложнение в отношениях между Великобританией и нами. Но я какое-то время жил в США, и даже английский у меня американский, не лондонский с носовым прононсом и с американизмами. Там полно нюансов, например, если американец просто скажет *straight*, если ему потребуется выразить мысль «прямо», то англичанин скажет «*as the crow flies*» – как ворона летит. Это идиома из Чарльза Диккенса, прижившаяся именно в британском английском, в американском ее и в помине нет.

Комиссар передает все мне на картах памяти через кафе, в котором он завтракает по утрам, а я обедаю в середине дня, – а я все скидываю в Москву. Думаю, Султана в свое время ждет хороший сюрприз...

Что касается возможного суда над Султаном – даже если бы я и в самом деле был американским агентом, – это все равно было бы ошибкой. Судом тут дело не решишь. Можно держать Султана в узде и заставлять его принимать какие-то решения, но суд над ним ничего не даст. Те, что должны будут поверить в его преступления – простые граждане из среднего класса и бедные, религиозные, в основном деревенские, если и не по месту жительства, то по духу, – не поверят. Это будет еще одна пощечина им от чужого им европейского класса, который они и так подозревают в предательстве Турции и работе на Запад. И пойдя на вполне демократические выборы, они снова выберут Султана, а то и кого похуже. Потому что на такого, как Султан, есть большой электоральный запрос. И он в него идеально попадает – иначе бы не правил страной дольше, чем Атапюрк.

Турция – опасная, расколота внутри себя страна. Многие путешественники этого не видят, раскол хорошо спрятан, а турки не любят пускать людей в душу, как мы, русские. Но он есть. И рано или поздно он даст о себе знать, в который уже раз...

Османы – это малоазиатское племя, которое вырвалось из своих мест, как вихрь, как всепожирающее пламя, поглощавшее все на своем пути. В зените своего могущества османские войска стояли под Будапештом и Веной, а Черное море было только их морем, как сейчас Мраморное. Проблема в том, что османы откусили намного больше, чем могли проглотить. И в отличие от нас, русских, с этим не справились.

Войдя силой в Европу, османы вынуждены были контактировать, налаживать связи, торговать с самыми разными нациями. Даже те, которые они покорили – такие, как сербы, – все равно оказывали на них какое-то влияние. Точно так же, как на Балканах шел процесс «потурчения», так же среди османов, особенно тех, что выезжали жить или служить в покоренные вилайеты, шел процесс европеизации. Османы не ограничивались Балканами, для многих османов из высшего света Париж был как дом родной. И так постепенно появлялись два народа, с одним названием, но разным менталитетом, разным отношением к государству, власти, обществу...

Младотурки – имя, ставшее нарицательным, – зародились на Балканах, это были офицеры, которые служили в балканских вилайетах и, претерпевая лишения и смертельную опасность, в какой-то момент осознали, что постоянная потеря ими территорий вызвана не силой врагов, а слабостью самих себя. Что главный враг не серб или черногорец, а сидящий в Истамбуле султан с его убогими, не меняющимися веками представлениями о власти и законе. И тогда они вернулись в Истамбул и угрозой штыков навязали султану свою волю – и если бы не Первая мировая, все могло бы и «выгореть». Им просто не хватило времени, и они неправильно выбрали союзника. Англичане, или французы, или американцы, как в соседней Персии, были бы намного лучшим выбором.

Полковник Мустафа Кемаль, или Ататюрк, отец турок, родился в ныне греческом городе Фессалоники, а служить начинал в той же самой Македонии, тесно общаясь с младотурками – впрочем, первую заговорщическую организацию он создал еще в военном училище. После страшного унижения и поражения в Первой мировой полковник Ататюрк, как единственный турецкий военачальник, на счету которого были победы, а не поражения, естественным образом сделался лидером нации. Полковник провозгласил республику, назвав последнего падишаха душителем народа, и сделался ее первым и пожизненным президентом. Он заставил турок брить лицо (и сам одним из первых сбрил гордость турка – усы), носить европейскую одежду, голосовать на выборах, выбрать себе фамилии (до Ататюрка у турок не было фамилий). Изменил алфавит турецкого языка с арабского на латиницу. Партии, объединяющие людей по признаку религии, были запрещены. Женщинам запретил носить паранджу и дал избирательные права. Всех турок заставил говорить на одном унифицированном турецком языке, запретив диалекты. Он учредил первый в стране современный банк, первую телефонную компанию, добился принятия закона о поощрении промышленности. Детей у него не было, но он взял восемь приемных дочерей и двух сыновей. Все стали уважаемыми людьми, дочь Ататюрка стала первым в истории страны летчиком-истребителем – женщиной. Во внешней политике Ататюрк одним из первых признал СССР и установил с ним хорошие отношения: на памятнике Ататюрку вторым рядом изображены фигуры его друзей и помощников, так вот одна из фигур изображает советского военачальника Михаила Фрунзе. Второй, кажется, Семен Аралов.

Ататюрк умер в 1938 году на своем посту, но дело его продолжили военные. Армия была единственным по-настоящему реформированным институтом в Турции, Ататюрку удалось добиться ее полной светскости, что окончательно закрепило вступление Турции в НАТО. Как только корабль турецкой государственности начинал крениться в сторону популизма – левого или исламского, – армия производила переворот и восстанавливала европейский порядок в Турции, пусть и совсем не европейскими методами. Последний такой успешный переворот имел место в 1980 году. Последний неуспешный – в июле шестнадцатого.

Проблема Турции, турецкого общества была в том, что у него не было никакой самостоятельной идентичности, кроме двух – европейской или исламской. Европейскую насаждал Ататюрк, исламская была традицией, но этого было мало. Ататюрк пытался создать национальную турецкую идентичность, не основанную на исламе, – но как показало время, это у него не получилось. Для тех турок, что массово шли голосовать за Эрдогана (а он побеждал отнюдь не за счет админресурса или технологий), то, что они мусульмане, было важнее того, что они турки. Кстати, что показательно – Эрдоган победил среди гастарбайтеров, многие из которых были европейцами во втором, а то и в третьем поколении. Турок, даже живущий в Европе, оставался турком.

Провозгласить Турцию и турецкий народ уникальным и ни на что не похожим, как это сделали русские, турки не смогли. Альтернативой была Европа, но беда и была в том, что в Европе Турцию и турок не слишком-то ждали. Восьмидесятимиллионная, почти полностью мусульманская страна, которая не только в течение многих веков шла совершенно отличным от Европы путем, но и до сих пор вызывает аллергию у многих действующих членов ЕС, таких как Греция. Европеизированных турок было тоже немало, они никуда не уезжали из страны и настойчиво стучались в европейскую дверь. Все должно было решиться в две тысячи седьмом, когда Турция должна была получить план действий о членстве. Меркель и Саркози... в общем, они проявили свою сущность мелких сошек по сравнению с де Голлем и Аденауэром и ПДЧ не дали. Оглушительный звук хлесткой пощечины, слышимый по обе стороны Босфора, положил конец шестидесяти годам пути Турции в Европу и начало всем тем проблемам, что есть сейчас. И тем, что еще будут.

С тех пор европейцы имели мало шансов... точнее, совсем никаких. Турецкий театр стал окончательно театром одного актера – теперь на сцене был Эрдоган.

Реджеп Тайип Эрдоган... его можно было бы назвать раскаявшимся правоверным. Но не в том смысле, что он изменил исламу, а в том смысле, что он изменил Европе. Его учил основоположник теории политического ислама Неджметтин Эрбакан, будучи премьер-министром, он популистски совмещал свою приверженность исламу с проевропейским политическим курсом и прогрессивными экономическими взглядами, обеспечившими Турции три пятилетки сильного экономического роста и выведшие ее в региональные лидеры. ВВП в Стамбуле до обвала лиры достигал двадцати пяти тысяч долларов на душу населения, что было в полтора раза больше, чем в России, – захолустье было конечно, беднее. Но пощечина, нанесенная Меркель и Саркози ему – гордому турку! – заставила этого, безусловно, очень неординарного человека многое переосмыслить. Турка нельзя бить по лицу, он выхватит нож. Если европейцы думали, что Турция будет и дальше униженно просить – они сильно ошибались. Очень сильно.

Эрдоган установил связи с Путиным. Ему удалось провести изменения в Конституцию, превратив Турцию из парламентской республики в президентскую. Деятели правящей Партии справедливости и прогресса заговорили о том, что Турция евроазиатская страна и так и должно быть. Европейские турки, которых до сих пор немало, почувствовали себя загнанными в угол.

Было и еще одно... то, что видели далеко не все, но что обостряло социальную обстановку до предела. Быстрый экономический рост Турции привел к взрывному росту населения городов, особенно Стамбула, ставшего с его четырнадцатью миллионами крупнейшим городом Европы, если считать его азиатскую часть одним целым с европейской. Это происходило за счет двух факторов – массового переселения из деревень в города и роста приезжих. В современном Стамбуле огромное количество деревенских людей и еще больше приезжих, география – начиная от Каира и заканчивая республиками Средней Азии. Узбеков в городе уже не менее ста пятидесяти тысяч, здесь они получают зарплату, как минимум в десять раз превышающую зарплату на родине. Приезжающие быстро заместили тех европейских турок, что не выдержали и уехали. Или им помогли – Орхан Памук, лауреат Нобелевской премии мира по литературе, был вынужден уехать из-за травли, после того как он публично признал геноцид армян. Так Стамбул меньше чем за одно поколение обновился, превратившись из турецкого и довольно бедного города в громадный мегаполис, цивилизационный центр Средней Азии, кипящий котел страстей и средоточие нерешенных противоречий, полный людей с деревенской, не городской ментальностью. В политическом плане это такая же бомба, как Киев в две тысячи третьем, готовая рвануть. Только в пять раз больше размером. События переворота лета 2016 года показали, помимо прочего, что со стамбульской толпой уже не справится даже армия. А резкое падение лиры осенью восемнадцатого, проблемы в отношениях с США и продолжающееся просачивание в город беженцев из Ирака и Сирии поднесли к этой бомбе зажигалку. Пока не зажженную...

До вечера работал, хотя работал так себе – все время отвлекали мысли о Джаддиде и его проблемах. Терять такой источник категорически не хотелось, а что будет, если он поймет, что отдавал документы русским, а не англичанам, я и думать не хочу.

Вечером я оставил машину у офиса. Взял другую. Другая у меня стоит на улице, это старый, но в хорошем состоянии «Рено Символ» – помните, такие еще в конце девяностых у нас продавались, пока «Логаны» их не вытеснили. Она так и стояла на всякий случай, купленная за наличные. Угонят – не жалко...

Явочная квартира стояла якобы на продажу, она была примерно в километре от площади Таксим. Комиссар якобы снимал ее, чтобы водить туда баб, второй ключ был у меня. Чего комиссар не знал, так это того, что квартира под ней тоже моя, у него третий этаж, а у меня второй. Обошлось в двести тысяч, но оно того стоило...

Тем более в этой квартире могу отлежаться и я, если что пойдет не так. Или продать.

Остановив машину, я набросил на голову капюшон от флиски и надел темные очки. Выглядит глупо, а капюшон еще и ориентироваться мешает – но лучше так, чем кто-то запомнит, а то и заснимет мое лицо. Не нравится мне это... сон, теперь требование личной встречи...

Пошел по улице... район этот застраивался частично при Ататюрке, частично – поздняя империя, лифтов нет, узкие лестницы, прямо по стенам трубы – это, простите, от сортира. Камни брусчатки... для нас, выросших в типовых многоэтажках спальных районов, это непривычно, но это и не должно быть привычно. Это не типовой спальный район, это город, который существовал еще до Рождества Христова. Этот город требует любви. И принимать его таким, каков он есть...

*Мы родились в тесных квартирах новых районов,
Мы потеряли невинность в боях за любовь.
Нам уже стали тесны одежды,
Сшитые вами для нас одежды,
И вот мы пришли сказать вам о том, что дальше...
Дальше действовать будем мы!³*

Осмотрелся... вроде нет никого, но до конца быть уверенным ни в чем нельзя. Что угодно может быть. И кто угодно.

Ладно...

В подъезде темнота, тишина, решетки – воров тут хватает. Осторожно поднимаюсь, прислушиваюсь – никого. И ничего. Знакомая дверь... ключ в замок. Снова прислушиваюсь...

Тишина.

Внутри темно, в воздухе пылинки – я не включаю свет. Понимаю, что тут никого нет – я бы понял, если бы кто-то был.

Закрываю дверь и в последний момент слышу стук входной двери внизу и топот тяжелых ботинок – несколько человек, не один.

Твою мать!

Скорее всего, ждали в соседнем здании.

Закрываю дверь и задвигаю засов, но долго дверь не выдержит. Она деревянная, не стальная – тут стальных нет почти ни у кого. В крохотной прихожей старый холодильник – я опрокидываю его поперек – хоть какое-то препятствие. Но надолго это их не задержит.

Надо бежать. Инстинктивно понимаю, что второй этаж не выход – не найдя меня здесь, они начнут обыскивать дом. Похоже, что Осман все-таки засыпался. И назвал это место. Насколько я знаю местные порядки – МВД захочет само решить дело. Вот и послали коллег комиссара с закатанными рукавами – тех самых, которые тут решают вопросы.

Выбираюсь на балкон. Тут их вообще два, один на улицу, другой во внутренний колодец двора, там жители устроили небольшой садик. Слышу, как ломятся в дверь, кажется, выстрелы. Это совсем плохо...

Третий этаж. Какие-то горшки с цветами, внизу тоже цветы, грядки какие-то...

Ну, спаси Аллах...

Повисаю на вытянутых руках над бездной, потом отпускаю – и валюсь вниз, с грохотом сшибая какие-то горшки. Но падаю на мягкое, даже не вывихнув лодыжку. Сверху на меня сыплется какая-то земля и еще что-то, но главное – я цел и на земле.

Бежать!

Под возмущенные крики бегу на выход – он тут один и узкий, по пути молю Аллаха, чтобы не перекрыли. Рядом что-то шлепается... раз, второй, понимаю, что это выстрелы из

³ Виктор Цой.

пистолета с глушителем. Но стрелок не успевает – я исчезаю в тесной и узкой арке, под которой никто не ходит. С диким мявом из-под ног прыскает кошка – кажется, я ей на хвост наступил.

Выскакиваю в проулок и лицом к лицу сталкиваюсь с парнем в кожаной куртке, в руке у него пистолет. Он тоже бежал... но я бросаюсь не от него, а к нему. И, прежде чем он успевает понять, что происходит, правой рукой отбиваю руку с пистолетом, а левой провожу удар, как меня учил Кямран. Самый простой – прямой в лицо.

Парень молод и силен, но пропущенный удар не дает ему перейти в контратаку... я налетаю на него всем телом, и мы падаем. Он пытается ударить меня, но я бью его еще раз, и он, кажется, теряет сознание. Отбрасываю пистолет и бросаюсь прочь, в сгущающуюся темноту, пока не подоспели остальные...

Комиссар Осман живет в районе Кадыкёй, это на азиатском берегу, не очень далеко от меня. Я добираюсь туда на пароме, по пути выбросив очки и ветровку.

Дом его я знаю, там стоят машины, видна пожарная. Понимая, что дело совсем плохо, я сворачиваю. Вереницей печальных стен тянутся дома, все первые этажи забиты магазинами и кафе, и там уже все знают. Пора узнать и мне...

– Чай и что-нибудь к нему. У вас есть пахлава?

– Конечно, есть, эфенди.

– Вкусная?

– Конечно, вкусная, как ей не быть вкусной, если пахлаву готовил еще мой прадедушка.

– Тогда давайте пахлаву и чай. А как, кстати, звали вашего прадедушку, уважаемый?

Хозяин кафе, седобородый дед, приносит чай в маленькой чашке, похожей на бутон тюльпана, и отдельный чайник, тарелочку с пахлавой и садится рядом, обрадованный возможностью поболтать с кем-то новым. Так за десять минут я узнаю, что его зовут Аслан, а прадедушку звали Орхан, и он не отсюда. Прадедушка жил в Салониках, и у него там была большая торговля, но греки выгнали его, как и других турок, и пустили по миру – и их семье пришлось переезжать в Стамбул и начинать все с нуля. Ругать греков – тема благодарная, ненависть между турками и греками глубока и непреходяща, и просто удивительно, что эти две страны состоят в НАТО. Если заставить греков и турок воевать вместе – они скорее будут стрелять друг в друга, чем во врага. Ругание греков занимает минут десять, после чего я и задаю интересующий меня вопрос:

– Эфенди, а что там пожарная машина стоит?

– О, это большое несчастье, Аллах нас карает...

И честный торговец рассказывает мне о постигшей район беде. Произошла утечка газа – видимо, комби установили неправильно. И вся семья отравилась газом. Говорят, глава семьи важный человек был. Аллах за что-то карает...

Аллах нас карает...

Я лежу на кровати... спальня маленькая... шторы откинута. Через окна в спальню заглядывает луна – яркая, серебряная, полная.

Цыганское солнышко...

Отравились газом – здесь довольно распространенная тема. В Стамбуле нигде нет центрального отопления, а это не такой уж и жаркий город, зимой бывает даже снег. Хотя в середине декабря здесь плюс десять, плюс пятнадцать. Горячего централизованного водоснабжения тоже нет. Потому все устанавливают комби – водогрейные газовые котлы местного производства. А так как их и делают кривыми руками, и устанавливают – случаи отравления нередки.

Но сейчас...

Тепло сейчас... днем на улице больше двадцати градусов – зачем топить котел? Душ горячий принять? Ну... если только. Но отравления именно сейчас, ранней осенью, редки – это зимой травятся, когда котел работает на полную мощность. Да и потом, если греть воду

для душа, ее ведь днем греют. Зимой потому и травятся, что оставляют котел включенным на ночь, а он гаснет – ложатся спать и не просыпаются.

Не сходится.

Вспомнилась одна история – много лет назад как раз от такого котла насмерть отравился премьер-министр Грузии. Это было как раз в первый год правления Саакашвили – он назначил свидание своему молодому любовнику в какой-то дыре, приказал оставить их одних, а утром обоих нашли мертвыми. Дело замяли... Грузия не та страна, где такое можно говорить о покойнике... но то, что отравление газом было, – это объявили.

Теперь и тут...

То, что убили и самого Османа, и всю его семью, – знак плохой. Неизвестно, что он им сказал. Единственно, что он не знает, кого я представляю, а турки вряд ли захотят связываться с британцами. Скорее они попробуют подчистить концы – то есть, убрав Османа, уберут и меня.

Надо уходить...

Вариантов несколько. Первый – взять яхту или катер и добраться до Тартуса, где стоят наши корабли. Второй – самолетом. У меня в загашнике лежит иранский паспорт, подлинный, сделанный через вороватого генерала КСИР – просто дружеская услуга. С этим паспортом без визы пускают в Боснию и Герцеговину, это благодарность за то, что в девяностые во время войны Иран туда поставлял оружие и направлял боевиков сражаться с христианами. Из Боснии можно без проблем перейти в Республику Сербскую, у них как бы единое государство, конфедерация. А из Республики Сербской – в саму Сербию, где русских пускают без виз и русскому всегда помогут. Если будет закрыт путь на Сербию – можно будет попробовать перейти в Македонию, где полно наших, оттуда можно попасть в Болгарию... в общем, вариантов полно. Третий – перейти границу с Грузией в районе Батуми, там она почти не контролируется, потому что турки имеют в виду рано или поздно вернуть Батум. Четвертый...

– Саша...

...

– Что-то не так?

– С чего ты взяла? Все нормально.

Марина ничего не отвечает, но женщины обычно чувствуют.

Если ее оставить тут – с ней разберутся, турки такого не прощают. Взять с собой? К семейной паре будет меньше подозрений. А что потом?

Потом...

Вот это самое страшное слово – потом.

Потом.

Утром я вышел от Марины, небритый, но накормленный. Она снимала большую квартиру с такими же, как она, горемыками – и явно поднялась в их глазах. Для таких, как она, выгодное замужество, когда еще берут, – последнее, что уберезет от окончательного падения.

Дерьмовое время... и чем дальше, тем дерьмовее. Знаете, что в нем самое дерьмовое? Люди не нужны. Вообще. Еще пару десятков лет назад люди были нужны – а теперь не нужны. Нигде и никому...

Сажусь в долмуш – маршрутку. Не знаю, стоит ли вообще появляться на работе, наверное, не пойду, на край скажу, что заболел. Вообще нельзя появляться где-то, где всегда бываешь. Надо сообщить в Центр о провале и ждать ответа.

Четырнадцать миллионов населения – если не светить сотовый, не найдут.

У стадиона покупаю с рук два сотовых. Оба явно ворованные, но мне ненадолго. С каждого сделаю по одному звонку, а потом – концы в воду.

Меняю симку, захожу на сайт – этот сайт используется для срочного контакта, там форум есть, на котором можно эзоповым языком общаться. Регистрируюсь... и вижу личное сообщение. Открываю...

Мать твою...

Самое лучшее место для контактов такого рода – это курсирующие по Стамбулу паромы.

Они старые, и для них по берегам полно пристаней, а само их наличие помогает довольно быстро передвигаться по городу, попадая в нужные районы и не простаивая при этом по часу в пробке. Пробки, ранее бывшие бичом только старого города, теперь есть везде, от аэропорта можно час простоять. Все покупают сейчас жилье в пригородах, а едут работать в город, железная дорога тут слабая, не так, как в Нью-Йорке или Москве, и принять на себя основной поток пассажиров в город не может. Метро растет, но город растет еще быстрее. Автобусов хватает, но они едут по тем же дорогам и тоже занимают место.

А вот если добираться пароходом – пробок нет, ты сидишь, можно чая выпить, смотря на красоты Босфора. И еще одно – здесь намного сложнее следить за человеком. Видно, кто садится, кто выходит, и если покататься рейс-другой, то слежка сразу будет видна. Если ты видишь людей раз, два, три, если они отличаются от тех, кто ездит обычно, если они ни с кем не общаются, а знакомые турки тут же начинают говорить друг с другом, если выдаться свободная минутка, – значит, следят.

Но слежки не было. Могли следить с беспилотника, но думаю, это слишком...

Так я, вместо того чтобы готовить сделку для сына коррумпированного генерала Корпуса стражей исламской революции, катался на парходике от одной пристани к другой.

Красота!

Морская вода, быстрое течение, проплывающие суда и рыбацкие лодки. Стамбул хорош еще и тем, что он устроен как бы террасами, прямо от воды начинаются холмы, на них строятся плотно, как муравейники. Потому многие, очень многие в Стамбуле рождаются с видом на Босфор и с ним же умирают...

– Не оборачивайся...

Голос был знакомым. Это был мой куратор, еще с академии, я его знал как полковника Хамроева. Про него было известно только то, что он родился в Ташкенте, еще в детстве родители отнесли его к мулле, и он стал мусульманином. Начинал он в Иране, хотя знает весь регион. Поговаривали, что он не узбек, а бухарский еврей.

Пыхтит парходик, свежий, сильный ветер уносит едва произнесенные слова. Реют чайки, купаясь в ветре.

– Гости есть?

– Нет.

– Вот и я так думаю.

Полковник – если он еще полковник, что вряд ли – сидел спиной ко мне, на верхней палубе. Народу было немного, все-таки рабочий день, середина дня. Не пятница...

– Ты просил связи.

– У меня ЧП. Саурон погиб. Мне надо уходить.

– Саурон погиб – это точно?

Вопрос не такой простой – труп-то я не видел.

– Сложно сказать. Я видел пожарную машину, говорил со стариком, который держит там локанту. Тот сказал, что вся семья газом отравилась. Могли, конечно, инсценировать, но...

– За тобой следили?

– Нет. Но на квартиру наведались.

– Как ты ушел?

– Чисто.

Правда, кого-то чуть не убил. Это брак в работе. Нельзя светиться.

– Я не ночевал дома, не ходил в офис. Но Саурон знал меня в лицо, я его лично вербовал.

Это не по правилам. При первой возможности контакт стараются обезличить – очень опасно, если агент знает вербовщика в лицо, а тут у меня есть и другие задачи. Нить надо

обрывать при первой возможности. Но Саурон – мы так его назвали – помогал получать критически важную информацию, позволяющую не только знать, что происходит, но и давить на турецкие верхи. А второе намного важнее первого – знать сейчас знают все, да никто даже не скрывает... есть такие придурки, что на уме, то и в Твиттере. А вот заставить принять то или иное решение – непросто. Особенно учитывая ситуацию в Сирии да и вообще – обстановку в мире. Идет стратегическая игра – за целые страны, за каналы поставок энергоносителей, за зоны торговли, за резервные валюты. Есть, например, договор о зоне свободной торговли между Украиной и Турцией – он только что подписан. В нищую разворованную Украину заходят турецкие предприниматели, скупают активы, которые почти ничего не стоят за счет мудрой политики украинских властей. Но если у нас есть гарантированный канал давления на Турцию, можно и нам попробовать зайти под чужим флагом и скупить в доле какие-то интересные вещи. Только так, что если Банковая вновь надумает давить – чтобы давление на нас означало давление и на Турцию. Мы там немало потеряли, при Яныке очень резко наши банки зашли, развернули кредитование. Потом все это ахнулось. Но так как активы, отжатые у нас, стоят копейки, можно попробовать их за копейки и купить. Тот же Одесский порт. Или еще круче – взять в долю и китайцев.

Чувствуете, какого уровня игра и что стоит на кону? Права на ошибку нет, от того, как мы разыграем наши, прямо говоря, не блестящие карты, зависит то, как будут кушать наши дети. Кто они будут – хозяева половины континента или и в собственной стране не хозяева...

– Ты знаешь, что Саурон передал в последнем пакете?

– Нет.

– Карта на твоём сиденье, сзади – считаешь.

Интересно, когда Хамроев успел?

– Если кратко – из Гвадара в Фамагусту должен пойти сухогруз. Скорее всего, он уже идет. На сухогрузе боевое отравляющее вещество. – Хамроев помолчал и добавил: – Десять тонн...

Десять тонн отравляющего вещества – этого достаточно, чтобы превратить в пустыню половину Сирии. Адресат понятен – экстремисты в Идлибе, осиное гнездо террора. Порт Фамагуста – на турецком Кипре, контролируется турецкими спецслужбами, активно используется в противозаконной деятельности. До Сирии – рукой подать, как, впрочем, и до Израиля. Планы боевиков, судя по всему, неизвестны, они могут нанести удар и по Израилю. Применение ОМП против Израиля – это гарантированная война, как минимум крупная региональная, если не мировая. Израиль в ярости будет бить по всем, скорее всего, под удар попадет и наш контингент. Инцидент с «Ил-20» позапрошлого года показал, как хрупок лед.

Вопрос, как Саурон об этом узнал. Если план действительно существует – это дело рук военных, не полиции. Военные способны на все, особенно после того как Султан перетряхнул всю верхушку. А ведь есть еще и Серые волки – отряды турецких националистов, глубоко проникшие во все силовые ведомства Турции и пропагандирующие создание Великого Турана с захватом всей Средней Азии и большей части Поволжья – Казань тоже должна стать частью Великого Турана. Раньше это начиналось болтовней в соцсетях – и ей же и заканчивалось, но не сейчас. Турция использовала отряды Серых волков для борьбы с курдами, для поддержки боевых отрядов протурецкой направленности в Сирии, и сейчас Серые волки превратились в полноценную военизированную организацию с хорошо подготовленными отрядами боевиков, с лагерями в пограничной зоне, с большим количеством припрятанного трофейного оружия. К Султану, кстати, Серые волки относятся хорошо – они всегда были против сотрудничества с Западом, а сейчас почуяли кровь. Проблема в том, что они и против России тоже, потому что валидовцы. Валидовщина – политический фашизм в Турции, связан с именем Заки Валиди, башкира, переехавшего в Турцию из СССР. Именно он привил волкам русофобию. Валидов-

щина – по факту то же самое, что и бандеровщина. И валидовцы не только здесь, они и в нашем Поволжье есть.

Возможно, спецотдел МВД кого-то арестовал, и он раскололся и проговорился о плане. Или Саурон узнал от кого-то из военных по своим каналам. Или Саурон что-то подслушал в Анкаре во дворце – это значит, что поставка организуется или самим Султаном, или кем-то из его ближайшего окружения.

Или это провокация, нацеленная на то, чтобы проверить Саурона или даже нас. Нам слили дезу и смотрят, кто и какие действия сейчас будет предпринимать. Не исключено, что даже сам Саурон решил проверить, на кого он работает на самом деле – хотя это самое маловероятное из всех.

Но информация не проверена. Для ее подтверждения нужно то же самое еще хотя бы от одного источника. А подтверждения нет.

– Судно он назвал?

– Нет.

Это плохо.

– В Фамагусту мало что ходит, верно?

– Легально – да. А нелегально – немало. Десять тонн – не так и много.

Я посмотрел на берег. Мы шли мимо самой живописной европейской его части.

– Что делать?

– Мы начинаем операцию. Ты – будь на связи, но не отсвечивай. Просто будь осторожен. Я попрошу диаспору за тобой присмотреть.

Диаспора – не русская, а чеченская. Чеченцев тут полно – и наших, и не наших. Еще со времен Дудаева здесь работает главная зарубежная резидентура чеченской разведки – не в Европе и не в США, а здесь. После того как власть в Чечне сменилась, часть перешла на нашу сторону, часть против нас, но исторически Стамбул – это столица продудаевской оппозиции. Здесь есть люди, которые с первой войны живут беженцами, целыми семьями и местные паспорта не получают, верят, что вернуться.

Вернутся победителями.

– Мне-то что делать?

– Ничего. Если что, я с тобой свяжусь. Если надо будет – я каждый день, кроме пятницы, в середине дня буду ловить рыбу у Галатского моста. Всё.

Полковник – седой, лет шестидесяти на вид, совершенно не отличающийся от местных стариков – встал и поковылял на вход, придерживая удочку. Я, вставая, провел пальцами и нащупал крохотный пластмассовый квадратик...

13 сентября 2020 года Стамбул, Пера Хаус

Как и в России, у Турции две столицы, республиканская – Анкара и историческая имперская – Стамбул. Разница только в том, что в России Москва больше Петербурга, а здесь наоборот, причем примерно в той же пропорции. Пятимиллионная Анкара и четырнадцатимиллионный Стамбул. Желая раз и навсегда покончить с имперским периодом в жизни страны и установить республику, Ататюрк распорядился о переносе столицы в маленькую, провинциальную Анкару, которая не была чем-то примечательна и не имела никаких заслуг, чтобы стать столицей – но стала ей. Примерно так Назарбаев перенес столицу из Алма-Аты в Астану, переименованную теперь в Нурсултан. Мировым городом, представляющим Турцию миру, так и остался Стамбул, в Анкаре нечего смотреть и нечего делать, просто куча бетонных коробок и безвкусных, аляповатых памятников. Потому-то все крупные страны имели в Стамбуле консульства. Британское расположено было в старинном трехэтажном здании Пера Хаус сразу за Галатской башней, недалеко от русского и итальянского консульств. Расположение консульств было исключительно удобным, чтобы наблюдать идущие по Босфору корабли.

Конечно, британцев интересовали, прежде всего, русские корабли, идущие в Сирию.

При консульстве существовал и разведывательный пункт, правда, на постоянной основе работали всего двое. Старшим был Дэмиан Гастингс, типичный британец, рыжий, с несколько костистым, жестким лицом. Ему было тридцать восемь, в молодости он хлебнул лиха в Багдаде. Самым острым ножом на кухне он не считался, но резать был вполне в состоянии.

Причиной, почему их всего двое, были бюджетные ограничения. Британия сильно потратилась на войны и теперь вынуждена была экономить. Да и чего шпионить в Стамбуле?

Эта страна – член НАТО, Гастингс был также офицером связи, он подключался, когда Турция и Британия вели совместные операции против экстремистов и наркоторговли. То есть он был «объявленным» и статус свой не скрывал.

Официально он был вице-консулом и время от времени участвовал в официальных мероприятиях.

В этот день он вышел из здания консульства... хорошо, что тут всегда есть парковочные места, припарковаться в городе – ужас. У него был «Форд Фокус» предыдущего поколения, купленный по дешевке, долбанут – не жалко. Он сел в машину, включил радио, и рука зависла на полдороге.

В машине, на пассажирском сиденье лежал конверт.

– И что ты хочешь сказать? Может, он просто выпал из бардачка?

Безопасностью консульства занимался Реджи, бывший морпех. Ему тут нравилось – после Гильменда. Но больше не было никого и ничего, консульство считалось безопасным. В основном они занимались здесь туристами да продвижением интересов британского бизнеса. Оборудования тоже не было.

Но Гастингс прошел курс переподготовки в Израиле и хорошо знал, что может означать подброшенный на сиденье конверт.

– Это не мой конверт.

– Тогда чей?

– Не знаю.

Реджи скептически посмотрел на конверт.

– И ты думаешь, что там мина?

– Возможно.

Реджи зачем-то посмотрел на часы.

– Возьми у садовника метлу, дружище.

Метлой Реджи вытолкнул конверт из машины, и он упал на дорогу. Затем он принялся его гонять, пиная то туда, то сюда. С конвертом ничего не происходило, за исключением того что крафт-бумага становилась все темнее и темнее. Потом он надел резиновые перчатки, какие использовал дворник, и ощупал конверт со всех сторон.

– Думаю, все чисто, сэр, – заключил он, – если бы что-то было, оно бы уже сработало. Проводов тоже нет.

Гастингс мрачно посмотрел на него и начал открывать конверт, держа как можно дальше от себя. Если в конверте бомба, то она маломощная, прежде всего рассчитанная на поражение глаз и дыхательных путей. Максимум, чем он рисковал, – оторванным пальцем.

Но в конверте не было бомбы. Там было письмо...

– Иди, Реджи, иди...

Гастингс начал читать письмо, и с каждым словом он все отчетливее чувствовал капли пота у себя на спине.

Экстренный канал связи с Лондоном удалось установить не сразу, пришлось лететь в Анкару, потому что защищенная линия была только там. Для того чтобы добраться до Анкары в разумное время, пришлось срочно арендовать вертолет, и так выбиваясь из всех бюджетных рамок. Когда они приземлились в посольстве, было уже темно. Их провели сразу в комнату закрытой связи – комнату, где не было ни одного окна, где в стенах были прокладки из свинцовых и еще каких-то там листов, где работали генераторы помех, вызывая головную боль – их даже было слышно как зудение комара, на самой грани слышимости – они все же были старой модели. Серые бетонные стены навевали воспоминания о холодной войне...

– Джентльмены... мэ...м...

Надо же, собрался весь цвет лондонской штаб-квартиры. Соьерс, начальник инспекции Среднего Востока и их непосредственный начальник. Бутч, заместитель директора, отвечающий за агентурные операции. И наконец, сама дама⁴ Карла Уоллфиш, новый начальник Службы, уже третья женщина на этом посту. Женщин в Службе вообще было много, потому что после падения империи платили мало, а работа была такая, что мужчин и арканом сюда было не заманить.

Карла была моложе своих предшественниц – она была ровесницей Гастингса. Поговаривали, что своим назначением она была обязана нынешнему премьеру, которому в свое время оказала услуги совсем даже не политического характера. Поговаривали даже, что именно из-за нее нынешний ПиЭм живет отдельно от семьи. Хотя при его характере удивительно, что его вообще кто-то терпит. Пытается косить под Уинстона, а похож при этом на Карлсона, мальчика из шведской сказки, который живет на крыше.

Но Гастингс знал и то, что с нынешним директором ухо стоит держать остро. Бывший корпоративный адвокат с какими-то связями в США – после Брежневской связи с США особенно важны, потому что без них Великобритания окажется в изоляции. И рано или поздно она перестанет быть даже блестящей. На континенте уже выстроилась очередь городов, готовых перехватить лондонских инвесторов в недвижимость...

Все сложно...

– Дэмиан. Эндрю.

Эндрю Бокердейл, начальник станции в Анкаре – ерзал на стуле. Он не хотел поверить, что именно станция в Анкаре это обнаружила, и не мог найти способ присвоить все лавры себе.

– Да, мэ, – поспешно произнес он.

– Дэмиан, к вам летит Карлтон Кросс.

– Мэм, это будет помощью для нас.

⁴ Женское рыцарское звание, означает, что она уже награждена одним из высших орденов империи, скорее всего Бани.

Директор МІБ покачала головой.

– Скорее наказанием, но дело не в этом. Я хочу, чтобы ты вспомнил, до того как Карлтон начнет вымораживать тебя своей нудностью. Почему он мог выбрать тебя? Почему он вышел на тебя?

– Не знаю, мэм.

– Вспоминай. Новые люди вокруг тебя, вечеринки, приемы.

– Ничего не было мэм.

– Итак, что у нас есть?

Бутч перелистнул страницы досье, на первой странице которого была пометка UK Eyes only – аналог «совершенно секретно».

– Высокопоставленный сирийский офицер, скорее всего относящийся к авиационной разведке, не может больше смотреть на страдания своего народа. Он верно служил Асаду и русским, но теперь разочаровался. Все это только продлевает страдания сирийского народа. Хм... он только что это понял?

– Не все готовы сразу принять точку зрения другого человека.

– Хорошо, но этот стиль... выпенный какой-то.

– Бутч, ты работал по Западной Европе, – заметил Сойерс, – а я по Ближнему Востоку. На Ближнем Востоке грамотные так и пишут – выпенно.

– Да, но почему не Ирак? Почему не Ливан?

– Этот вопрос как раз проще всего. Скорее всего, он уже отправил родственников в Стамбул. Потому и через Стамбул. Он может даже бывать в этом городе.

Сойерс помолчал и добавил:

– Или он русский.

– Русский? – удивленно переспросила директор.

– Да, мэм. Объем информации – больше похоже на то, что это русский. Русские тоже не все любят Путина.

– Или это человек с самого верха. Сирийская авиационная разведка, может даже и Генеральный штаб. Или окружение Асада.

– Или так.

– Что он хочет? – спросила директор.

– Чтобы мы остановили поставки оружия в страну. Он верит, что это ускорит окончание войны.

– Да, конечно...

– Американские тоже? – проворчал Сойерс.

– Скорее турецкие, – заметил Бутч, – американцы в последнее время не так активны на этом направлении. Турки и ближневосточные монархии наладили закупки сами. Сербия, Болгария. Иногда не по себе, когда думаешь, сколько они всего уже закупили и переправили.

– Так, с лирикой давайте в другом месте, – пристрожила директор, – нам надо понять две вещи. Правда это или нет? И если правда, то что нам со всем этим делать?

– Три, мэм.

– Что?

– Три вещи, – поправил Сойерс, много работавший в поле. – Третье – это как защитить нашего информатора. Если грузы начнут перехватывать, сирийцы догадаются, что их кто-то сдает, и начнут тотальную проверку. К ним подключатся и русские, а это не те противники, с какими можно спать спокойно. Поставки оружия – ерунда по сравнению с тем, какие вопросы у нас действительно стоят по Сирии. Перспективы урегулирования и условия. Доли России и Ирана и реакция Израиля. Направления новой сирийской политики, внешней и внутренней. Договоренности с курдами, и кто в них будет участвовать. Возможное федеральное деление страны и то, кому какие земли отходят. Сейчас мы стоим в стороне – но если мы хотим, чтобы

нас пригласили на танец, у нас что-то должно быть. Нам надо заплатить за билет на дискотеку, и не деньгами. Информатор с таким доступом к информации – бесценен.

– И что вы предлагаете?

– Мэм, Карлтон Кросс изначально контрразведчик, и он помешан на русской угрозе. Ему следовало бы родиться на сорок лет раньше. Нужна вторая группа с совершенно другой задачей – установить потенциального информатора, выйти на него или помочь ему выйти на нас и перевести отношения на долгосрочную основу. У нас давно не было таких возможностей в регионе.

Директор медленно кивнула:

– Допустим. И кто будет супервайзером в этой команде?

– Я сам, мэм.

– Вы?

– Да, мэм. Это должен быть человек рангом не ниже Карлтона, способный его остановить, если он начнет махать саблей.

– Мне это не нравится, – заявил Бутч, – у нас оголяется направление работы здесь, и довольно важное направление. А в Стамбуле у нас получается конфликтная ситуация.

– Мэм, что касается первого, я все равно собирался идти в отпуск. Почему бы его не провести в Стамбуле? С текущими делами в инспекции хорошо справится Бренда, в конце концов, я готовлю ее на смену, надо дать ей шанс – почему бы и не сейчас. Что касается конфликта – да, он будет. Но лишь потому, что Карлтон забывает, для чего существует СИС. Мы существуем для того, чтобы добывать информацию, а не для того, чтобы бороться со шпионами в своих рядах. И если одно будет противоречить другому – возможно, придется пойти на какой-то риск и принять правильное решение. А это может сделать только старший офицер компании.

– Мне нравится то, что вы говорите, Грегори, – сказала директор, – подбирайте команду и отправляйтесь в Стамбул. Но я даю вам месяц, не больше. Ровно столько составляет ваш отпуск с дополнительными днями... верно?

Поднимаясь из-за стола, Сойерс заметил ненавидящий взгляд своего начальника...

14 сентября 2020 года Средиземное море Недалеко от побережья Ливана

Нет, все-таки до чего мерзкая посудина.

Говорят, она когда-то была у русистов в Черноморском флоте, а потом ее продали. Потом еще раз продали. И еще раз. И ни один из хозяев не озаботился ремонтом – просто старался вкладывать как можно меньше, а выдернуть как можно больше. Потому-то за двадцать лет судно пришло в совершеннейшую негодность.

Хорошо еще, что не тонет, как-то везет...

Хотя Абу Абдалла аль-Руси просто нервничал... нервничал, как никогда еще в жизни не нервничал. Ведь цель была так близка.

Получил при рождении имя Михаил и фамилию Иванов – он родился и вырос в неприметном городке в отдаленном шахтерском районе Тульской области. Нищие, вросшие в землю халупы на фоне терриконов пустой породы – Тульская область никогда не имела таких лоббистских возможностей, как Донецкая, и девятиэтажек в шахтерских городках тут испокон не было. Да, в Тульской области и шахты были, уголь когда-то добывали. Потом уголь стал родине не нужен, шахтеры сбухались.

Отец Миши Иванова умер от пьянства, когда Мише было шестнадцать. Накушавшись с бывшими товарищами дешевой бормотухи, он приходил домой и начинал вымещать на семье свою беспросветную злобу. До пятнадцати лет отец бил семью. После пятнадцати Михаил стал избивать пьяного отца. Здоровье родителя, и так подорванное бормотухой, окончательно дало трещину, и он вскоре умер, выпив напитка с ласковым названием «Троя». Хоронили всем городком. На поминках перепились.

Михаил не мог дождаться того времени, когда его возьмут в армию. Крепкого паренька, да еще добровольца, приписали к десанту.

В десанте он показал себя хорошо, получил направление в Рязанское воздушно-десантное... и, может, если бы жизнь повернулась иначе, освобождал бы Алеппо в составе спецназа ВДВ. Но министром обороны стал мебельщик, и тысячи молодых офицеров выкинули за ненужностью. Квартиру тоже не дали – не выслужил. Пришлось возвращаться в замызганный поселок, где тихо и незаметно жили и умирали потерявшие человеческий облик люди.

Как-то раз Михаил встретил сослуживца, он был татарин по национальности, его тоже обучили и выкинули. Он пригласил Михаила на молитвенное собрание в Тулу. Михаил думал, что это Свидетели Иеговы. Оказалось, Хизб-ут-Тахрир.

Так Михаил нашел смысл жизни. Он понял, что спасти Россию можно, только если установить в ней законы шариата. Тогда все перестанут пить. Тогда у всех появится цель.

В две тысячи двенадцатом государство вспомнило об умирающем шахтерском поселке – кто-то сообщил, что на заброшенных терриконах и в брошенном здании шахтуправления кто-то регулярно стреляет. Прибыли сотрудники ФСБ. Но бывшего десантника они взять не смогли. Он выселился в Турцию, почти сразу перешел границу с Сирией и встал на джихад. Тогда он еще только разгорался...

Сначала был в отряде Абу Баната – бывшего дагестанского милиционера, который зверствовал так, что Аль-Каида исключила его из своих рядов и объявила, что Абу Банат вышел из ислама. Потом Михаил присоединился к Исламскому государству – группировке, в которой число русскоязычных доходило до тридцати процентов от общего числа бойцов.

Исламское государство было большим, чем просто еще одна террористическая организация. Ее создали бывшие офицеры армии и спецслужб партии БААС, ее иракского отделе-

ния. После гибели Саддама они искали способ вернуться к власти – и нашли его. В отличие от Осамы бен Ладена основатели Исламского государства искали ответы на вопросы, как победить неверных, не в Коране и хадисах, а в трудах Маркса, Ленина, Троцкого, Бакунина, Гитлера, Гиммлера⁵. Некоторые из шейхов ИГ даже не совершали намаз.

Исламское государство – первая структура в исламском мире, которая провозгласила, что умеренный, не поддерживающий ИГ мусульманин – хуже неверного и его надо истребить в первую очередь. Никогда до этого и никогда после этого никто не осмеливался провозгласить врагами мусульман других мусульман. Даже шииты, хоть и считались заблудшими, но все равно самые радикальные группы считали, что их надо наставить на путь истинный, привести к истинному исламу, но не убивать. И только ИГ провозгласило, например, истребление шиитов более важной задачей, чем нападения на неверных.

Но риторика ИГ, в которой отчетливо слышался отзвук ленинских речей, который был мастером разъединяться, отлично легла на иракскую почву. Ирак был искалечен гражданской войной 2005–2008 годов, в которой в межконфессиональной резне погиб миллион человек – каждый тридцатый житель Ирака. Она отлично легла и на сирийскую почву, где алавитское меньшинство столкнулось с Ираном и доминировало над суннитским большинством. Оно пришлось по душе суннитам Ирака, которые испытывали угнетение от действий иракского премьер-министра, шиита Нури аль-Малики, и готовы были начать новую гражданскую войну. Все эти люди услышали в речах лидеров ИГ то, что думали они сами, но боялись выйти из ислама, сказав. Оказалось, что можно убивать мусульман и оставаться при этом мусульманином.

Исламское государство не появилось на пустом месте, просто оно говорило людям то, что они хотели слышать. Оправдывало то, что они давно хотели сделать. И привнесло в безумие восточной войны хладнокровную жестокость европейской расовой и этнической чистки.

В Исламском государстве – в отличие от Аль-Каиды – было легко продвигаться, будучи не арабом. Исламский террор до ИГ был ведь... вещью для своих. В Аль-Каиде, например, все позиции шейхов были за арабами, считалось вообще, что единственный способ изучить Коран – это изучить его на арабском, а русский перевод, например, и не Коран вовсе. Исламское государство решительно с этим покончило... в каком-то смысле это учение стало подобием протестантизма в христианстве. ИГ с самого начала адресовало свои призывы людям, говорящим не только и не столько на арабском, сколько носителям русского, английского, немецкого, французского языков. В период наибольшего могущества в Ракке было особое бюро переводов, там переводили пропагандистские материалы на тридцать языков. Вот почему Миша Иванов недолго задержался на позиции рядового бойца: узнав, что он служил в десанте, его поставили сначала на отдельную группу гранатометчиков, потом доверили целый исламский полк. Сержант ВДВ стал полковником армии Исламского государства.

Здесь он нашел то, что всегда искал. Истинную веру. Веру, не подлежащую никакому сомнению. Книгу, где написано, как поступать в любой жизненной ситуации. Товарищей, стремящихся к высшей цели и готовых отдать жизнь за Аллаха...

Абу Мусса аль-Амрики. Его заместитель. Бывший сержант морской пехоты США. Они должны были сражаться друг против друга в войне, безумной и бессмысленной, как и все войны, ведущиеся куфарскими правительствами, – но здесь стали братьями и обнаружили, что между ними нет различий, что они понимают друг друга лучше, чем любой кяфир. Погиб

⁵ Есть закрытые исследования. Они показывают, что основатели Исламского государства хорошо знакомы с теорией марксизма-ленинизма и русскими практиками революционной борьбы. Оно и неудивительно, если учесть, сколько офицеров иракской армии закончили советские военные училища и изучали научный коммунизм. Что касается нацизма – основатели партии БААС (арабского социалистического возрождения) многое почерпнули из трудов Гитлера и Гиммлера. В шестидесятые и семидесятые годы иностранцы на Востоке носили портрет Гитлера на случай беспорядков. Толпа, стоило ей показать портрет Гитлера, проникалась дружескими чувствами.

в Ракке под бомбовым ударом своих же, американских самолетов. Он был еще жив, когда Абу Абдалла вытащил его из руин. Последнее, что он сказал, было – я сейчас увижу Аллаха...

Абу Кямаль аль-Алемани. Внук турка, прибывшего в Германию на заработки, немец в третьем поколении, услышавший запах джанната и поспешивший на него. Погиб от пули курдского снайпера. Когда они поймали нескольких курдов, которые ехали куда-то в машине, то заблокировали двери, облили машину бензином и подожгли. Вместе с людьми.

Абу Кусаи аль-Туркмани. Совершенно не похож на туркмена – рыжий и голубоглазый. Более смелого человека он не видел. Выселился вместе со всей семьей из безбожного Туркменистана и встал на джихад. Свободно говорил по-русски – он учился в русском университете. Стал шахидом на пути Аллаха во время операции истишхадии, с ним погибли трое куфарских советников-русистов и более десятка рафидитов – бойцов Хезболлы, которые тут сражались на стороне безбожника Асада. Ему – рай, иншалла, а все остальные проследовали напрямиком в ад.

Абу Амаль аль-Узбаки. Самый старший из всех, ему было за пятьдесят. Выселился в Шам, когда его сына схватила узбекская охранка. Стал шахидом на пути Аллаха, направил заминированную машину на скопление кяфиров. Ему – рай, иншалла.

Они все были у Аллаха, получали обещанный удел как шахиды. А он – нет. Аллах не забирал его к себе.

Здесь же он нашел счастье – жена, сын. Все они тоже были у Аллаха – погибли под бомбежкой русского самолета.

Остался он один.

Они должны были победить в этой войне, но пришли русисты, которые сражались не так, как остальные кяфиры. Русисты не умели отступать, их не удавалось взять в плен. За полтора года они потеряли всю территорию, которая у них была. Все города...

Но остались праведники, а это – главное.

После падения Халифата, после того как курды захватили Ракку, его и других праведников перевезли на землю правоверных. Дар аль-Ислам. Перевозил американский военный самолет. Там им помогли, вылечили раненых, сказали, что надо делать дальше...

Так он в числе группы верных братьев оказался в Пакистане, где особое подразделение, известное как организация Абдул Кадыр Хана⁶, занималось всем, что только в голову придет. Ядерный шпионаж, ракетный шпионаж, сотрудничество с Украиной, Северной Кореей, незаконное производство плутония – и все прочие радости жизни. Поскольку серьезные преступления Пакистана при производстве ядерного оружия и средств доставки привлекли к этой стране повышенное внимание – организация Абдул Кадыр Хана частично переквалифицировалась на производство химического и биологического оружия. Пакистанские военные, понимая подавляющее превосходство Индии, были твердо намерены применить оружие массового поражения в случае новой войны. Ну а пока войны не было, они им торговали.

Купив десять тонн нервно-паралитического газа, который при случае можно было называть «Новичок» или еще как-нибудь, Абу Абдалла купил в соседнем Бангладеш за копейки старый-престарый корабль, который привели туда на слом, – но один рейс он еще мог выдержать. Наскоро навербовал команду из украинцев, готовых наниматься где угодно и за копейки. Погрузил в порту Гвадар баллоны вместе с каким-то еще товаром (было и оружие, купленное

⁶ Абдул Кадыр Хан – отец пакистанской атомной бомбы, была создана организация, названная его именем. На момент написания книги ему 82 года, он находится под домашним арестом за незаконную торговлю ядерными материалами, и Пакистан отказывается допустить к нему следователей. В Пакистане вполне открыто говорят о тайной ядерной сделке и продаже пакистанского ядерного оружия Саудовской Аравии с грубым нарушением режима нераспространения. При этом Пакистан никто не признает страной – спонсором терроризма. Теперь представьте, что было бы, если бы Россия продала, скажем, Асаду атомное оружие.

на черном рынке Пакистана) и отплыл. После рейса судно планировалось затопить, а команду ликвидировать.

Но по пути в порт Триполи⁷ Абу Абдалла проклял все на свете.

Он думал, что он смелый. Но когда он осознал, что под его ногами не земля, а ржавый металл и бездна в несколько сотен метров и что их старый корабль может просто не выдержать пути, – он по-настоящему испугался.

А потом они попали в шторм...

Это был даже не сказать что и шторм... так, тропическая депрессия. Но когда волна захлестывает палубу корабля и ты понимаешь, что он весь может скрыться в морской пучине и никто и ничто тебя не спасет... когда тебе так плохо, что ты даже молитву читать не можешь...

Вот тогда ты начинаешь бояться по-настоящему...

На грязном ржавом корыте они все же выжили. Прошли Суэц. И были уже почти дома.

Абу Абдалла стоял на палубе и смотрел на звезды. Какие они тут все-таки большие...

– Эфенди...

К нему подошел один из своих, проверенных еще боями в Хомсе людей.

– Да?

– Завтра швартуемся.

– Да. Завтра...

– Надо выслать шлюпку. Проверить, что в порту. Я не верю этим ливанцам, они торговцы, а не воины. И друзья жидов.

– Это ты хорошо придумал...

Боевик посмотрел на звезды.

– Не могу дождаться того дня, когда мы отомстим русистам!

– Мы не мстим русистам! – сказал Абу Абдалла. – Мы устанавливаем шариат Аллаха.

Русисты такие же кяфиры, как и любые другие, их накажет Аллах...

– Нашими руками... – мечтательно сказал боевик.

И тут с мостика закричали:

– Эмир, идите скорее сюда! На нас идет какое-то судно!

Это был турецкий сторожевик береговой охраны. Раньше он был американским, потом его списали и передали туркам как безвозмездную помощь. Крупный, с высоким бортом – он имел ангар для вертолета. Из вооружения – на носу сорокамиллиметровый «Бофорс», пулеметы...

Луч прожектора высветил их, прошелся по палубе, уперся в рубку.

– Что им надо? – процедил Абу Абдалла, смотря на происходящее с мостика.

– Передают – они турецкая береговая охрана. Приказывают заглушить двигатели, лечь в дрейф.

– Они имеют на это право?

– Нет, – развел руками украинский радист, – им вообще тут нельзя быть.

– Передавай им...

– Нахожусь в международных водах?

– Передавай...

Корабль подходил все ближе.

– Что отвечают?

– Повторяют приказ.

– Повторяй и ты...

⁷ Порт в Ливане, не путать с ливийским Триполи. Порт Триполи на побережье Средиземного моря – самый мусульманский город Ливана, местные жители занимаются приемом угнанных в Европе машин, отгрузкой наркотиков из долины Бекаа, терроризмом. Это самый близкий порт к сирийскому Хомсу.

Абу Абдалла достал спутниковый, чтобы позвонить. Ему сказали пользоваться спутниковым лишь в самом крайнем случае, но гарантировали, что в случае звонка решат любой вопрос.

– Алло. Нас остановили...

И в это время по рации раздался крик.

– Коммандос на палубе!

Турки провернули все чисто, как фокусник. Корабль отвлекает с одной стороны, еще и слепит. А с другой – подходят темные, низко сидящие в воде лодки и высаживают абордажную группу.

– Беритесь за оружие!

Но было уже поздно...

Информация к размышлению

Документ подлинный

Как и ожидалось, после моей гневной отповеди хулителям православия они не успокоились и, зажав в горсть разорванные задницы, продолжили свое занятие с утроенной силой. А я сегодня где-то на Северном Кавказе записывал на слух фамилии и новые, исламские имена «русских ваххабитов». Под сотню имен. Сначала писал Шура в блокноте, потом смотрю, на 20-й минуте он уже еле карандашом шевелит. Тогда я взял блокнот, писал, писал и думал правым полушарием... Думал, что вот эти «придурки и провокаторы», унижая православие, на самом деле унавозживают почву для радикального ислама. Подсказывают потенциальным «русским ваххабитам» – куда им идти.

Тянущиеся к вере люди рождались всегда. Люди, готовые верить истово, до самоотречения. Молиться за других и за других принимать муки. Но никакой пассионарий не пойдет сейчас в православие, которое безнаказанно шельмует и нагибает любая сволочь, имеющая доступ к СМИ или к интернету. Эти люди, алкающие страданий за других и во имя высшей цели, пойдут в другое место, к другим учителям и будут в десятки раз опаснее. Потому что этнически чуждые новообращенные ваххабиты злее и радикальнее своих учителей. Они умнее и речистее аульных и лесных проповедников. Им, порвавшим все связи с родными и близкими, некуда отступить. Наконец, их просто не вычислить в толпе, в метро, в автобусе или в троллейбусе. Им уже не интересен Северный Кавказ, свой халифат они будут строить в русских городах, продвигаясь все дальше на Север. Расчищая себе дорогу ужасом.

И когда сноп огня и дюбелей сорвет с вечно глумливого лица Натальи Осс ее манерные хипстерские очки, а обгорелую кипу Носика зашвырнет в небеса, они даже не поймут «За что?». А за все. Вам объяснят это там, где нет ни болезней, ни горести, ни страданий.

<https://krig42.livejournal.com>

15 сентября 2020 года Стамбул, Галатский мост

Галатский мост – одно из самых колоритных мест Стамбула, здесь он столь же известен, как мост на Темзе. Он пятый по счету – первый был построен еще римским императором Юстинианом, этот – перед Первой мировой был построен немецкой фирмой MAN, той самой, что производит сейчас грузовики. Он двухъярусный, разводной, на втором уровне расположены рыбные рестораны, которые часто подают рыбу, выловленную тут же рыбаками. Рыбаков тут много. Это самое известное место для рыбной ловли в Турции. Столько рыбы здесь нет, сколько есть рыбаков, но здесь собираются не столько поймать рыбу, сколько пообщаться, рассказать про себя и узнать, как дела у других. Удочки висят над водой, и их леска подобно паутине колыхается ветром...

На Галатский мост я приехал на пароме, здесь причальная стенка. Полковника Хамроева я заметил издали – он надел на голову панамку из газетного листа, самодельную. Мы такие делать уже не умели.

Панамка была подтверждением, что все чисто...

Я подошел, устроился рядом, навалившись спиной на перила. Людей вокруг было много, но все они были заняты собой.

– Клюет? – негромко спросил я. Спросил по-русски. В Стамбуле, как и во всей Турции, немало народа говорит на русском.

– Плохо...

...

– Принято окончательное решение – ты остаешься здесь.

– Надолго?

Отсутствие ответа и было ответом.

Я посмотрел на небо. Было тепло, даже жарко по русским меркам, почти без туч – и на фоне редких клякс облаков плыли гуси. Они летели из Сибири, направляясь на юг, чтобы переждать холода.

– Что я должен делать?

– Ничего. Уходи на дно.

Уходить на дно. Это здесь может иметь и прямой смысл.

Полковник вытащил леску и начал сматывать ее.

– Плохо здесь клюет. Совсем. Надо в другом месте попробовать.

Я оставался без связи.

15 сентября 2020 года
Стамбул, район Топкапи
Бульвар Аднана Мендереса, 58
Здание Стамбульского директората безопасности
Пятый этаж

Здание Стамбульского директората безопасности расположено на широком и длинном бульваре Аднана Мендереса, 58, в примитивном на вид бетонном комплексе зданий, который явно очень мал для такого огромного города, как Стамбул. Но тут в основном сидело начальство, службы были разбросаны по городу, а основные силы полиции находились в Анкаре. Полицейских в городе не хватало, особенно с учетом взрывного роста преступности последних лет. Спасало лишь то, что Стамбул – город «для своих», и преступники, среди которых было немало беженцев из Сирии, тут не очень-то разгуляют. Даже боссы мафии не захотят иметь с ними дела.

В этот день на стоянке машин комиссариата остановился почти новый «Форд», а его владелец быстро прошел в здание, предъявив на проходной удостоверение комиссара полиции. Хотя его и так неплохо знали, пару раз он даже попадал на телеэкран, во время больших облав на наркоторговцев. Это был старший комиссар Назим Хикмет, кость в горле турецкой наркомафии. Ему было сорок с небольшим лет, и он был внешне похож на русского певца Александра Буйнова – не по-турецки худой, подтянутый, с лицом, словно вырубленным топором из куска гранита. Наркомафия дорого бы дала за то, чтобы увидеть это лицо на могильной плите.

На верхние этажи ходил лифт, но комиссар поднялся пешком, преодолев бегом десяток лестничных пролетов. Наверху он уверенно прошел до приемной старшего суперинтенданта полиции Стамбула Ибрагима Гуля, которого он знал лично.

Красотка в приемной – комиссар лишь скептически усмехнулся, зная, что Гуль ни одной юбки не пропустит, – доложила о его появлении и открыла дверь.

В кабинете стоял арктический холод. Суперинтендант сидел на своем месте, за столом, а за приставным сидели двое. Полного он знал – Мехмет Назим-Бей, суперинтендант уголовной полиции. Худошавого – нет.

– Проходи... – Гуль был явно чем-то расстроен, хотя и старался не показывать этого. – Господа! Комиссар Хикмет. Это Назим-Бей из уголовной полиции и Селим Бозкурт из министерства.

На стене была карта Стамбула, недавно ее заменили на новую – город стремительно рос, и проблемы в Сирии обещали еще миллион-другой жителей. Равно как и новые проблемы уже здесь, в Стамбуле.

Какие же проблемы есть сейчас?

– Господа...

– Назим, ты знаешь, зачем мы тебя вызывали?

– Нет.

– Случилась... – старший суперинтендант замялся, не зная как ответить, – в общем, беда у нас случилась. Аллах карает...

– Осман Джаддид умер этой ночью. Отравился газом, – сказал человек из министерства, – вместе со всей семьей. Вы знали его?

– Лично нет.

– Он возглавлял отдел по борьбе с организованной преступностью и контрабандой.

Повисло молчание.

– С комиссаром Джаддидом расправились? – нарушил молчание Хикмет.

– Мы так не думаем, – сказал человек из министерства, – все указывает на то, что это была утечка газа. Но отдел, тем более такой отдел, не должен оставаться без начальника. Я спросил Ибрагима-эфенди, кто может возглавить отдел. Ибрагим-эфенди назвал вас.

Хикмет отрицательно покачал головой.

– Со всем уважением...

– Почему?

– Со всем уважением к мнению Ибрагима-эфенди, я не хочу быть начальником.

– Ты уже давно перерос свою должность, – сказал Гуль, – и у тебя достаточно опыта.

Организованная преступность и наркомафия – это одно и то же у нас, наркомафия – это и есть почти вся наша организованная преступность. Еще и контрабанда. Твое новое назначение – это возможность искоренить мафию на корню по крайней мере в Стамбуле.

– Искоренить мафию невозможно.

Комиссар Хикмет знал, что говорил, и говорил вполне искренне. Мафия питалась кадрами там же, где и итальянская. Нищая провинция. Горные деревушки. Круговая порука крестьян. В качестве исполнителей и телохранителей они обычно нанимали лазов – небольшой народ, схожий с грузинами, они не великого ума, но верны как собаки, лаз не может предать по определению. Многие мафиози даже породнились с лазами – кровная месть, если убьют, то лазы найдут и убьют обидчика, кровная месть лазов делала невозможной полномасштабную криминальную войну, но она же делала мафию столь устойчивой. А разгуляться было где – именно в Турции, не в Афганистане, производилось больше всего опиатов для мировой фармацевтической промышленности. Турция специализировалась на производстве опиатов, это было благом, и это же было проклятием для нее. Когда растут поля опиумного мака – не разобрать, где легальное, а где – нет.

Система работала на тех же самых принципах, что и в Италии, – только в Турции все было намного хуже. Как ни крути, а только рост благосостояния итальянцев сделал их в основном законопослушными и нетерпимыми к делам мафии. Мафия тоже перестроилась – он был в Италии, говорил со следственными судьями, самым распространенным преступлением мафии стало использование подневольного труда гастарбайтеров и беженцев при выращивании овощей и подделке вещей с известными товарными знаками. Сомнительную честь заниматься наркоторговлей сицилийские мафиози уступили албанцам, марокканцам и им, туркам...

Да, искоренить мафию невозможно...

– Искоренить невозможно, – согласился Гуль, – но можно бороться. Ты добился экстрадиции Каракая в Италию. Три пожизненных и еще сорок девять лет заключения. Сейчас мы предлагаем тебе не начальственный пост. Мы предлагаем тебе взяться за дело всерьез...

– А мы поможем, – добавил человек из министерства.

Старший комиссар отдела по борьбе с организованной преступностью и контрабандой Назим Хикмет не поверил тому, что ему сказала начальство про смерть Джаддида. Вероятно, другой бы поверил, но комиссар начинал в отделе сотрудничества с Интерполом, где проработал восемь лет – часть в Турции, часть в Европе. Он был слишком европейцем, чтобы забыть об этом странном деле и заняться другим.

И он слишком долго прожил в Европе, чтобы бояться.

Он сидел в теперь уже своем кабинете и листал личное дело старшего комиссара Османа Джаддида, своего предшественника, так глупо и странно погибшего. Он успел распечатать его из общей базы до того, как его убрали оттуда.

Дело вызывало горькую усмешку – человека, не закончившего академию полиции, даже без высшего образования, назначили на самый важный отдел МВД, требующий профессионализма. Почему назначили? Ну, тут все в деле написано – до того он был в Департаменте охраны. Достаточно посмотреть, в каком районе Стамбула он родился, – и все сразу ясно.

Зазвонил телефон, он посмотрел на экран, нажал – ответить.

– Я сейчас спущусь.

Альсия, его очаровательная младшая сестра, ждала его внизу. Она только что рассталась с женихом, потому что не хотела быть примерной женой и матерью и водила небольшой «Мерседес». Так как она работала в Банке Турции, она могла прояснить те моменты, которые не могла прояснить даже полиция...

– Привет, – она поцеловала брата в щеку, – фу, небритый...

Комиссар сел в машину, «Мерседес» рванул с места.

– Осторожнее!

– Когда в машине полицейский – можно.

– Это не так. Куда мы едем?

– Тут недалеко...

Комиссар уже знал куда. Здесь недалеко ресторан, принадлежащий другу Альсии, еврею. Если родители узнают, ей несдобровать.

– Ты что-то узнала? – спросил он, пока сестра рискованно лавировала в потоке.

– В бардачке...

Комиссар достал папку с документами.

– Твой предшественник, – прокомментировала Альсия, – похоже, на ходу подметки рвал. Знаешь, сколько он квартир купил за три года?

???

– Пять!

– Ничего себе.

– Последнюю он купил в Сите⁸, рядом с аэропортом. Там квартиры полтора миллиона лир стоят, не меньше. Интересно, это как же надо воровать?

Хороший вопрос...

Коррупция в Турции была всегда, потому что сама среда, само прошлое османов ее процветали. Когда Султан назначал кого-то на вилайет, он не платил этому человеку жалования, наоборот, он ожидал, что тот будет и на свое прокормление сам зарабатывать, и отправлять деньги в Порту. Потому брали все. Учитывая то, что отдел по борьбе с организованной преступностью боролся и с контрабандой наркотиков, можно было представить, какие там могли быть суммы в ходу.

Но пять квартир за три года? И это только квартиры. Сколько же он всего нахапал? И за что? Может, что-то связанное с Султаном?

Но тут как раз слишком мало. И все же...

– Спасибо. Я посмотрю.

– Не за что, братик. – Альсия припарковалась. – Приехали...

– Комиссар... вы, видимо, не поняли приказа.

Суперинтендант уголовной полиции Стамбула Мехмет Назим-Бей происходил из турецкой аристократии, о чем свидетельствовала приставка «бей» к его фамилии. И вел он себя соответственно.

Комиссар Хикмет пришел к нему вместе с документами, которые достала Альсия, – но суперинтендант не захотел их даже посмотреть.

– Эфенди, здесь явный случай коррупции. Комиссар Джаддид купил пять квартир за три года. Он не мог заработать честным трудом на пять квартир за три года!

– Комиссар Осман мертв. Что бы он ни делал, это все осталось в прошлом. Мы не можем марать грязным подозрением весь полицейский директорат...

⁸ Закрытый жилой комплекс, построенный отдельно.

Мехмет Назим-Бей вышел из-за своего стола и подошел вплотную. Несмотря на то что комиссар был выше его на голову, он каким-то образом умудрялся нависать над комиссаром.

– Имейте в виду, комиссар, – сказал он, – я был против вашего назначения на пост начальника отдела, но в министерстве решили иначе. Пусть так, но если вы мне не будете подчиняться, я вас уничтожу. Вам все ясно?

– Вполне, эфенди.

– Тогда слушайте приказ – я запрещаю вам расследовать смерть комиссара Османа. У вашего отдела и так хватает дел. Я приказываю вам заняться текущими делами, понимаете, комиссар?

– Да, эфенди.

– Убирайтесь. И чтобы я больше от вас про Османа не слышал.

Комиссаром полиции Назим Хикмет стал не случайно...

Он родился в восьмидесятом году в районе Таксим в европейской части Стамбула. Его семья была типичным турецким средним классом, мать учительница и работающий чиновником в Банке Турции отец. Четверо детей – трое братьев и сестра. Отец выбивался из сил, чтобы все дети получили нормальное образование, мать тоже работала. Но оказалось... все это было так легко разрушить...

Он помнил тот день в мельчайших деталях и уверен был, что до конца жизни будет его помнить...

Его брат Али – он уже учился в старших классах – пришел домой раньше и позвал его с собой, они пошли на берег Босфора. Они постоянно туда ходили вместе... они вообще были очень близки, младший брат и старший, Али и Назим. Али учил его, как можно сделать какой-нибудь трюк и получить монетку у иностранных туристов, как ловить рыбу – в развалинах у них были припрятаны удочки – и как незаметно стянуть апельсин у зазевавшегося лавочника. Но в этот раз, как только они пришли на их любимое место у Галатского моста, брат начал какой-то странный разговор, и он Назиму сильно не понравился.

Али сказал, что он познакомился с каким-то взрослым мужчиной, у которого есть большая квартира и который приглашал Али к нему домой, он угощал его фруктами и учил курить сигареты – потому что все взрослые мужчины курят сигареты. И он к нему ходил уже несколько раз, а узнав, что у него есть маленький брат, этот мужчина и его приглашает к нему в гости. И они могут пойти к этому мужчине прямо сейчас.

Назиму не стало интересно. Назиму стало страшно. Он почему-то сразу вспомнил рассказы бабушки Фатимы про дивов – злых духов, которые могут принимать облик людей. И маму, которая не раз говорила, что, когда идешь в гимназию или оттуда, нельзя заговаривать с посторонними и что-то брать у них. Если нельзя даже заговаривать, как же можно пойти домой? И он сказал, что не пойдет домой к этому мужчине.

Али начал смеяться над ним и называть маленьким трусишкой, который еще недостаточно вырос для взрослых дел. Назиму действительно было страшно и было неприятно оттого, что брат называет его так. Но он все равно сказал, что не пойдет, и чем больше брат насмеялся над ним – тем страшнее было маленькому Назиму, которому было тогда всего девять и который по сравнению с четырнадцатилетним братом был совсем еще сопляком.

Тогда Али сказал, что он пойдет один. А когда Назим сказал – не ходи, пойдем лучше домой, – назвал его трусом и еще посмеялся.

А потом он ушел. Назим навсегда запомнил, как его брат, который мог стоять на руках на мостовой несколько минут, исчезает в толпе.

И больше он брата не видел...

Дальнейшее он тоже помнил, себе на беду... кричащий отец, рвущая на себе волосы мать, горящая от пощечины отца щека. Потом пришел дядя, и они с отцом поехали на набережную,

там была полиция... но что он мог сказать им? Он ведь не видел, куда пошел Али, и не знал, как зовут того мужчину.

Али нашли несколько дней спустя в рыбацкой сети...

Назим тогда еще не понимал смысла слова «надругался», которое то и дело проскальзывало в разговорах старших. Он помнил только похороны и тот взгляд матери – полный тупой, какой-то коровьей боли. Она была как слепая, стояла, поддерживаемая тетушками, когда Али уносили из дома, чтобы похоронить.

Маньяка, который надругался над Али и убил его, так и не нашли. Не нашел его и он, хотя пытался.

Тогда Назим и решил, что он станет полицейским и будет искать того мужчину и защищать людей от таких, как этот мужчина.

Так как он закончил хорошую гимназию и в совершенстве знал немецкий, его взяли в полицейскую академию, потом включили в состав группы, отправлявшейся в Германию на длительную стажировку... отношения Турции с Германией исторически были очень тесными. Его стажировка пришлась на время разгула албанских и югославских банд, и за два года он много чему научился у криминального комиссара Гамбурга Людвиг Вермеера. А по возвращении на родину его перевели в отдел сотрудничества с Интерполом, где он боролся с международной наркомафией. Он был удачливым и цепким полицейским...

Но он избегал приходить домой, потому что приходилось смотреть в глаза матери и каждый раз отвечать на ее молчаливый вопрос – нет, мама, не нашел.

Я его не нашел.

И сегодня ему предстояло снова посмотреть в глаза матери...

Дверь открыл отец. Он постарел, но не так сильно как мама, и был крепким стариканом, полностью лысым, с ястребиным взглядом, совсем не подходящим бывшему бухгалтеру. Он пил виски, ругал Эрдогана и ходил на эту проклятую площадь в кафе, где боролся за экологию и где собирались такие же идиоты, повернутые на защите окружающей среды...

– Папа...

– Проходи, раздевайся. Смотри, кто к нам приехал...

– Брат...

В коридор их квартиры вышел похожий на него, но более приземистый, крепкий...

– Мустафа!

– Ты все еще служишь?

– Вот только что ушел...

– А я новое назначение получил.

– Какое?

– Теперь я отвечаю за борьбу с мафией во всем Стамбуле.

– Поздравляю...

Мустафа был третьим из братьев. Средним. Почему-то он всегда сторонился и Али и Назима... Назим не мог припомнить, чтобы они когда-то гуляли вместе. Он все время что-то читал... и какое же было удивление родителей, когда Мустафа завербовался в армию вместо того, чтобы идти в университет.

Они сидели на крыше и курили, передавая друг другу самокрутку – одну на двоих. Назим давно не курил, – и теперь табачный дым неприятно драл горло. Щипал глаза.

Они сидели на крыше пятиэтажки – той самой, в которой оба они родились, в которой провели свое детство и юность. В этой пятиэтажке продолжали жить их родители, в то время как они давно выпорхнули из гнезда...

– У тебя проблемы? – спросил Назим, передавая самокрутку.

Брат затаился, прежде чем ответить.

– Проблемы... ну как тебе сказать.

– Скажи как есть.

Брат невесело усмехнулся.

– Проблемы сейчас есть у всех, ты не заметил? У всех турок сейчас проблемы.

Брат служил в командос. Они не говорили матери, чтобы не пугать и не расстраивать ее, но это было так. А командос – турецкие специальные силы – приняли самое активное участие в попытке переворота 2015 года. В них было много националистов, а Султан был против национализма. По сути, тогда в трагической схватке столкнулись две турецкие идентичности – турки как нация и турки как мусульмане...

Переворот мог бы закончиться совсем иначе. Султан был в то время в горном отеле, там был какой-то экономический форум. Первым своим шагом заговорщики решили его захватить. Отряд спецназа вылетел на нескольких вертолетах, но когда вертолеты приземлились, Султана уже не было. Он покидал это место с такой спешкой, что большая часть охраны не успела уйти из отеля и вступила в бой с десантной группой заговорщиков... но Султана в отеле уже не было, его кто-то предупредил. Кто-то, кто решил, что он сначала раб Аллаха, а потом и все остальное...

Заговорщики вывели на улицы войска – и тут их поджидал второй сюрприз. Турецкий народ, турецкая улица, та самая, которая раньше была безучастным наблюдателем, с голыми руками пошла на танки и вооруженных солдат. А солдаты не готовы были стрелять в толпу, пока та не побежит. Потому что это был не Тегеран семьдесят восьмого. Времена изменились.

И третий просчет заговорщиков – изменилась Европа. Если в 1980 году она спокойно восприняла переворот генерала Кенана Эврена только потому, что он был правый и против коммунистов, то теперь Европа в принципе не была готова принимать власть, пришедшую в результате военного путча. Даже если это власть прогрессивная и проевропейская.

Несмотря на отчаянные меры отдельных людей, по оппозиционной телестанции нанесли удар боевые вертолеты – переворот провалился за два дня. Это был не Тегеран семьдесят восьмого.

Дальше была трагедия, были мечущиеся вертолеты с заговорщиками, один из которых сел даже в Греции, были массовые аресты – весь мир облетела фотография, как турецкие военные сидят на полу со связанными руками и смотрят на портрет Султана – это такое идейно-политическое воспитание по-османски. Многие пошли в тюрьму до переворота, еще больше после. Именно с того момента были омрачены отношения с Соединенными Штатами – все заговорщики были с совместной базы Инжирлик и там же они скрывались. Но самое главное – Султан больше не доверял армии. А в автократической системе власти, которую он выстроил, недоверие Первого было приговором, было пятном на всех и на каждом. И самое большое недоверие было как раз к специальным силам, где служил его брат...

– Но у всех они разные.

– Ошибаешься, – брат глубоко затянулся, – одинаковые. И у них есть имя.

– Не уверен, что я хочу его знать.

Назим решил сменить тему – про политику говорить было небезопасно даже здесь.

– У нашей Альсии новый бойфренд.

– Вот как? Который?

– ???

– Который по счету.

– Не говори так про нашу сестру. Его зовут Моше.

– Как?!

– Моше...

– Он что...

– Да. У него ресторан... недалеко отсюда... но он не израильтянин, он, кажется, американский еврей. У него гражданство США.

– Даже так...

– Я был у него в кафе. Его заведение называется «Вино и олива».

– Вино? Он что, подает вино?

– Да, это же европейская часть. Вино, кстати, неплохое...

– Не сомневаюсь...

Брат бросил окурок в колодец двора – и они оба проследили за тем, как огненная точка канула во тьме.

– Пошли в дом.

16 сентября 2020 года Стамбул, район Левент

Утро у криминального комиссара Хикмета не заладилось – в азиатской части города произошла серьезная перестрелка. Египетская банда делила территорию с чечено-узбекской. Четыре трупа – хорошее начало работы...

Было еще темно, когда он приехал на место. Скорые уже уехали, но полицейские машины остались, и их медленно вращающиеся мигалки синими всполохами высвечивали старые стены домов. Полицейские толпились у машин, кто-то расставлял на проезжей части цифры с номерами улик...

Комиссар Хикмет вышел из машины. Болела голова. К нему подошел комиссар Бюль из местного полицейского участка.

– Я слышал, тебя повесили? Поздравляю.

– Не с чем. Что тут произошло?

– Две местные банды. Кажется, забили стрелку друг другу. Кто видел, говорят, было пять машин. Почти сразу открыли огонь. Пять или шесть автоматов Калашникова, помповые ружья. Просто удивительно, что они полквартала не перестреляли.

– А что они делают?

– Крыши. Знаешь, криминальное прикрытие.

– Знаю. А что они тут крышуют?

– Всё. Они даже мидийщиков заставили платить.

Мидийщики – это было серьезно: торговцы жареными мидиями – это целый клан, просто так тебя никто в него не пустит. И платить просто так никому не будут.

– И никто не пишет заявление?

– На чеченцев никто писать не будет: сожгут. Кроме того, они тут по-хитрому делают. Организовали благотворительное общество. Принимают взносы. Говорят – закинь себе на ахират, получишь на том свете в семьдесят раз больше. Ну а кто не закидывает на ахират, с тем будет беда. Лавку сожгут, дочь изнасилуют.

Хикмет зло ударил кулаком одной руки о ладонь другой. В свое время Ататюрк под страхом тюрьмы запретил собирать пожертвования наличными. Это правило не позволяло муллам иметь постоянную и никем не контролируемую черную кассу. Но Эрдоган отменил это правило – и вот результат.

– А египтяне?

– А они недавно появились. Говорят, что ахират, заплаченный чеченцам, недействительный. А сами чеченцы бандиты.

– А они?

– А они в Сирии сражались. На джихаде. Им Аллах откупную на все грехи дал...

Бюль достал сигарету, прикурил. Предложил комиссару, тот кивком головы отказался.

– И вот я думаю, наши идиоты все кричат, что мы империя, что есть тюркоязычный мир. И для чего все это? Чтобы к нам со всего тюркоязычного мира ехали бандиты?

Сев в машину, комиссар снова достал документы, которые скопировала для него Альсия, и начал их перебирать. Комиссар Вермеер учил – если ты видишь документы или материалы и не можешь понять, к чему они и как их использовать, – отложи и вернись к ним через день или два. За это время ты все равно подсознательно будешь возвращаться к нерешенной задаче, и, возможно, подсознание справится с ней лучше, чем сознание.

Допустим, Осман брал взятки. Допустим. Первый вопрос – зачем он купил пять квартир и все в Стамбуле?

Не лучший способ помещения капитала, прямо скажем.

Даже если сдавать – все равно не лучший. В Стамбуле цены невысокие, и те, кто хочет вложить деньги, предпочитают Европу.

Может, у него и в Европе столько же?

Он перебирал ТАПУ⁹, одно за другим, контракты на продажу жилья и вдруг заметил кое-что. Перебрал – да, все верно.

Осману все квартиры продало одно и то же риелторское агентство.

Риелторское агентство, которое продало Осману все четыре квартиры, располагалось в районе Левента. Комиссар не любил этот район. Да и мало кто из турков его любил.

Это район скоробогачей, он довольно далеко от Босфора и начал застраиваться уже во времена Ататюрка, как другой Стамбул – европейский, без всех древностей и памяти об империи. При султанате тут были лишь холмы, которые ничего не стоили, а теперь тут самая дорогая земля в Стамбуле, а семья, которой повезло владеть этой никому не нужной в начале века землей, стала одной из богатейших в Турции.

Сейчас здесь небоскребы, в том числе самое высокое здание в Турции, соседствовали со старыми, времен диктатуры виллами, в которых находились фирмы, обслуживающие богачей. Там было тихо, чисто, машины не сигналили как сумасшедшие и всегда можно было припарковаться...

Комиссар Хикмет оставил свою машину, пошел по тротуару – они здесь были узкими, но они, по крайней мере, тут были, присматриваясь к номерам домов. Да... кажется, этот. Он пошел к калитке – но открыть ее не успел – изнутри ее открыла девица. Комиссар сразу оценил ее – вся в брендовом шмотье, сумка от Гуччи, причем, скорее всего, настоящая, волосы выпрямлены и покрашены в блондинку, а вот брови угольно-черные, натуральные.

Красивая.

– Извините.

Девица прошла мимо, не удостоив комиссара даже граммом своего драгоценного внимания. Комиссар проследил за ней взглядом – она села в «Мерседес»-купе лазурного цвета и рванула с места...

Та еще штучка.

Он прошел в калитку, аккуратно закрыв ее. Навстречу уже спешил менеджер.

– Добро пожаловать, эфенди. Вас интересует какой-то конкретный объект?

– Нет, я бы хотел переговорить с вашим хозяином.

Хозяевами этого места были бандиты – комиссар сразу это понял. Конечно, у бандита на лице не написано, что он бандит, но опытный полицейский без труда определяет бандита, точно так же как опытные бандиты без труда определяют следящего за ними легавого.

– Ваше имя? – Комиссар продемонстрировал свое удостоверение.

– Кямран Омар.

– Документы ваши можно посмотреть?

– Разумеется.

– И разрешение на работу.

Разрешение на работу было самым важным документом, важнее подчас, чем паспорт или виза. В Турции вы могли, к примеру, открыть фирму, но сами работать без специального разрешения в ней не могли – надо было нанимать турок. Многие из эмигрантов этого не знали или сознательно игнорировали правила, наживая себе проблемы. Турки же с удовольствием стучали на своих соседей и работодателей, нарушающих правила трудоустройства, потому что работы действительно не хватало, и за рабочие места всегда велась борьба.

– У меня гражданство.

⁹ Свидетельства на право собственности.

Комиссар посмотрел документы. Действительно, гражданство есть, что бывает не у каждого. Успел получить – сейчас это намного сложнее, после наплыва беженцев из Сирии и прочих мест бывшей империи правила получения гражданства сильно усложнились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.